

№4

апрель 2025

РУССКИЙ КЛУБ

85

Счастливой Пасхи!

РЕДАКЦИЯ

Грузия 0105, Тбилиси,
пр. Руставели, 2
тел./факс: (995 32) 293-43-36
E-mail: rusculture@mail.ru
www.russianclub.ge

Главный редактор
Нина ШАДУРИ-ЗАРДАЛИШВИЛИ

Редакционная коллегия:

Алла БЕЖЕНЦЕВА
Инна БЕЗИРГАНОВА
Эмзар КВИТАИШВИЛИ
Демико ЛОЛАДЗЕ
Михаил ЛЯШЕНКО

Дизайн и верстка
Давид ЭЛБАКИДЗЕ-МАЧАВАРИАНИ

Допечатная подготовка
Елена ГАЛАШЕВСКАЯ

Корректурa
Алена ДЕНЯГА
Лали ХАТИАШВИЛИ

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА «РУССКИЙ КЛУБ»

Грузия
Зураб АБАШИДЗЕ
Нани БРЕГВАДЗЕ
Гуджа БУБУТЕИШВИЛИ
Роин МЕТРЕВЕЛИ
Ирма СОХАДЗЕ
Александр ЭБАНОИДЗЕ

Армения
Каринэ ХАЛАТОВА

Беларусь
Валентина ПОЛИКАНИНА

Великобритания
Князь Никита ЛОБАНОВ-РОСТОВСКИЙ

Израиль
Давид МАРКИШ

Россия
Заур КВИЖИНАДЗЕ
Елен ДОРИС

Франция
Граф Петр ШЕРЕМЕТЕВ

© ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКЕ ССЫЛКА НА
«РУССКИЙ КЛУБ» ОБЯЗАТЕЛЬНА

В ТОРГОВУЮ СЕТЬ ЖУРНАЛ НЕ ПОСТУПАЕТ

ISSN 1512-2972

UDS: 008.1(47922:470)
C-24

РУССКИЙ КЛУБ

№4
(234)
апрель 2025

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»

РУКОВОДИТЕЛЬ ПРОЕКТА

НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ

საზოგადოებრივ-მხატვრული გამოცემა

СОДЕРЖАНИЕ

- 4 ОТ А ДО Я
РОБ АВАДЯЕВ
- 6 ЧЕХОВ ГЕОРГИЯ КАВТАРАДЗЕ
ИННА БЕЗИРГАНОВА
- 12 НА ЛЕДЯНОМ ПОЛЕ
ВЛАДИМИР ГНЕУШЕВ, АНДРЕЙ ПОПУТЬКО
- 19 НЕЗАБВЕННЫЙ ЭРОСИ
ДЕМИКО ЛОЛАДЗЕ
- 21 СМЯТЕНЬЮ ВОПРЕКИ...
ПАОЛА УРУШАДЗЕ
- 24 Я ОТПЛАЧУ ТЕБЕ ДОБРОМ
МИХАИЛ СИНЕЛЬНИКОВ
- 26 «ЛИЦА НЕОБЩИМ ВЫРАЖЕНИЕМ...»
ЕЛЕНА ЗИНОВЬЕВА
- 28 «РОДНОЙ МНЕ, ОТНЯТЫЙ КАВКАЗ»
НИНЕЛЬ МЕЛКАДЗЕ
- 33 БОГ ГРУЗИНСКОГО ТАНЦА
АНАСТАСИЯ ХАТИАШВИЛИ
- 37 МУЗЕЙ, СОЗДАННЫЙ С ЛЮБОВЬЮ
АЛЕНА ДЕНЯГА
- 39 ОДИН ВЕЧЕР С МАСТЕРОМ
НОДАР НИКУРАДЗЕ
- 42 РАССВЕТ ПРИДЕТ
МЕРЕТГЫЛЫЧ ЯГМУРОВ
- 43 ВСЯ ЖИЗНЬ – В СПОРТИВНОЙ ЖУРНАЛИСТИКЕ
ТЕНГИЗ ПАЧКОРИЯ
- 45 ИСТОРИИ РАЙОННОГО МАСШТАБА
ГОДЕРДЗИ РТВЕЛИАШВИЛИ
- 48 НАШ ДВОР
МЕРИ ГНОЛИДЗЕ
- 50 НИТИ ПАМЯТИ: ТРАДИЦИИ АДЖАРСКОЙ ВЫШИВКИ
ЮЛИЯ ТУЖИЛКИНА
- 52 ИМПЕРАТОРСКАЯ ПРЕМИЯ
ИГОРЬ АЛЬМЕЧИТОВ
- 54 ЗАНИМАТЕЛЬНАЯ ЭТИМОЛОГИЯ

На обложке – ГОГИ КАВТАРАДЗЕ

Фото: Юрий РОСТ

от ДО

Роб АВАДЯЕВ

МИКЕЛАНДЖЕЛО 550 ЛЕТ

*«Я удивляюсь, Господи, Тебе,
Поистине — «кто может, тот
не хочет».*

*Тебе милы, кто добродетель
корчит.*

А я не умеаюсь в их толпе».

Так дерзновенно в своем сонете Творец обращался к Создателю. Этот резкий упрек бросал тот, кто действительно «не умещался в толпе». Но Господь был добр к этому гению и немало его награждал земными благами и долгой успешной жизнью, в отличие от окружающих людей. Те его терпеть не могли, считая несносным и грубым. Характер у этого человека и впрямь был неласковым, он скандалил с заказчиками, ругался с римскими папами, был скрягой и яростно выбивал себе высокие гонорары. Его, конечно же, ценили коллеги, но недолюбливали. Однажды в галереях Ватикана ему повстречался счастливый и светлый Рафаэль, окруженный стайкой веселых учеников. Наш Микеланджело был в мрачном расположении духа и едко заметил: «Вечно вы ходите со свитой, как генерал». Рафаэль, у которого всегда были с ним натянутые отношения, парировал: «А вы всегда один, как палач». Хоть Микеланджело и недолюбливал Рафаэля, но не

мог позволить себе необъективности — профессиональная этика для него была превыше всего. Примером того был один случай: Рафаэль не сторговался с заказчиком о сумме, потребовав увеличить гонорар. А знатный заказчик заартачился и потребовал независимого эксперта, выбрав того, с кем не дружит Рафаэль. Он призвал нашего гения и показал ему фрески. Микеланджело пришел, хмуро и молча осмотрел фрески соперника и, указав пальцем на голову одного персонажа, мрачно заявил: «Одна только эта голова стоит сто монет, а остальные не хуже». Требуемый гонорар был выплачен без лишних разговоров. Таким был наш герой. Его звали Микеланджело ди Лодовико ди Леонардо ди Буонарроти Симони, это был выдающийся итальянский скульптор, живописец, архитектор, мыслитель и поэт эпохи Возрождения, который прожил 88 лет, пережил 13 римских пап, работал на девяти из них. Он родился весной 1475 года. В отличие от многих коллег-простолудинов, Микеланджело происходил из обедневших флорентийских дворян. Правда, его многодетный отец не сумел сохранить семейное благополучие, поскольку часто занимал плохо оплачиваемые государственные должности. И его второму сыну с раннего детства пришлось думать о хлебе насущном. Мальчиком Микеланджело был отдан в учение в флорентийскую мастерскую известного живописца Доменико Гирландайо в возрасте 13 лет. И, представьте, там он считался уже старым, в те времена учениками становились в десять лет. Детей нещадно эксплуатировали, они выполняли тяжелую работу по дому за скудную еду и уголок для сна где-нибудь в кладовке или просто на сквозняке в коридоре. И это при том, что обычно за учебу платили родители. Микеланджело очень рано показал свои способности и стал самостоятельным мастером. Он постоянно совершенствовался в искусстве ваяния. В те темные времена он рисковал головой, изучая человеческую анатомию, тайно препарируя трупы, церковь это строгойше запрещала. А еще он копировал картины Джотто, пробовал силы в гравюре и ходил в рыбные ряды, чтобы рассмотреть строение плавников и потом воспроизвести на бумаге. В итоге, Микеланджело стал лучшим скульптором не только своего времени, но и в веках. Его наиболее известные скульптурные работы — статуи Давида, Бахуса, его знаменитая ватиканская Пьета из собора Святого Петра и более поздние шедевры на тему Пьеты «Оплакивание Христа», статуи Моисея и «Рабов» для гробницы папы Юлия II. Стать художником-живо-

писцем Микеланджело согласился только, когда папа заказал ему расписать потолок домового церкви в Ватикане — Сикстинской капеллы. Задача титаническая, ему предстояло создать 600 квадратных метров фресок в одиночку. После была роспись стены с сюжетом Страшного суда. А еще между делом Микеланджело написал больше 300 сонетов и спроектировал собор Святого Петра в Ватикане. Эту работу он выполнял бесплатно и до самой смерти. Этот невероятный гений был невероятно трудолюбив. Ибо, как он написал в одном из своих сонетов: «Сухое дерево не плодоносит».

Джорджо Вазари, биограф всех известных живописцев и ваятелей своего времени, особо выделял Микеланджело и прямо называл его «гением, избранником... скорее небесным, нежели земным явлением».

МАСТЕР МУЗЫКИ НАСТРОЕНИЯ

Сто лет назад теплой и солнечной весной 1925 года в Марселе родился знаменитый и популярный Поль Мориа. Его при жизни называли «богом французской послевоенной музыки». Это был блестящий аранжировщик, композитор и дирижер. Ребенком он был очень музыкальным и его, как настоящего вундеркинда, в семье начали учить игре на фортепиано в четыре года. Отец, музыкант-любитель, рано оценив способности сына, очень серьезно начал его учить игре на фортепиано. Мальчика заметили в городе и даже, как юный талант, включили его в программу марсельского мюзик-холла. А в десять лет Поль поступил в марсельскую консерваторию и окончил ее за четыре года. Но однажды он услышал джаз и понял, что классического образования ему для исполнения такой музыки не хватит. Он увлекся джазом и популярной музыкой. И вскоре решил стать дирижером, решив, что «быть дирижером — это свобода творчества». Руководить оркестром

Поль стал в семнадцать лет, создав свой первый любительский коллектив. И почти сразу стал известен всей стране. Его оркестр играл популярные мелодии и много гастролировал. Но вскоре Полю Мориа стало тесно в большом, культурном, но все-таки чуть провинциальном Марселе, к тому же его замучила постоянная текучка кадров в оркестре. И в возрасте чуть за тридцать Мориа переехал в Париж. Там он нашел применение, возглавив оркестр звукозаписывающей компании Barclay, как аранжировщик и аккомпаниатор. В разное время работал с такими звездами эстрады, как Шарль Азнавур (они совместно создали более 120 песен), а также с Далидой, Морисом Шевалье, Лео Ферре, Катериной Валенте и многими другими эстрадными исполнителями. А еще он записывал музыку для фильмов с участием Луи де Фюнеса «Жандарм из Сен-Тропе» и «Жандарм в Нью-Йорке». И наконец в 1965 году Мориа создал свой гранд-оркестр и начал сотрудничество с Philips, которое продлилось 28 лет. Но подлинную славу Мориа обрел, став музыкальным директором Мирей Матье. Начиная с 1969 года оркестр Поля Мориа объездил весь мир. Причем рабочий процесс маэстро распределил следующим образом: полгода в поездках с концертами, а полгода работая в студии, где записывались не менее пятидесяти новых композиций. И так из года в год. Этот гениально талантливый аранжировщик создал огромное число мелодий, которые знал каждый, включающий телевизор — ведь его мелодии часто оформляли заставки к популярным телепередачам. А еще Поль Мориа охотно исполнял популярные песни разных народов. Нам хорошо известна его версия знаменитой и любимой лирической песни «Под музыку Вивальди» В. Берковского и С. Никитина.

БОЛТУН И БАХВАЛ

Так непочтительно называли современники знаменитого авантюриста и писателя Джакомо Казанову, хоть он и корчил из себя аристократа и назывался не принадлежащим ему титулом шевалье де Сенгальт. В истории же он известен, как лихой соблазнитель, чье имя стало нарицательным, как имена Дон-Жуана или сэра Роберта Ловеласа. Родился сей исторический персонаж 2 апреля 1725 года в прекрасной Венеции в семье артистов, где кроме него было еще пять братьев и сестер. Джакомо явно унаследовал актерский талант родителей. Мальчик с детства мало чем выделялся среди сверстников и рос довольно болезненным — все-таки влажный климат

морской Венеции довольно тяжелый для детей. Но свободолюбивая обстановка веселого города с его карнавалами, дворцами, гондолами и куртизанками особым образом формировала вольнолюбивый и чуть распушенный характер жителей. Невзирая на консерватизм правителей, впрочем, весьма умеренный, молодые люди могли многое себе позволить, многое узнать и многому научиться, благо Венеция привлекала приезжих путешественников или туристов, как сказали бы сейчас. Наш герой с юности изучил несколько языков. Вырос он симпатичным юношей-брюнетом вполне приличного роста — 186 см, Джакомо для того времени считался высоким. В двенадцать лет талантливый юноша поступил в Падуанский университет и окончил его в семнадцать лет, получив ученую степень юриста. Но не юридическая карьера привлекала молодого энергичного человека — ему хотелось шикарной жизни. А способов ее заполучить было немного, только через покровителей и внимание знатных дам. Парень оказался очень шустрым и веселым. К слову, и покровители, и дамы на его жизненном пути встречались регулярно. А еще у Джакомо было неистребимое желание путешествовать. Он немало поездил, встречался с многими влиятельными людьми, ухаживал за многими дамами (и не всегда знатными). Любовником он, скорее всего, был умелым, благо начал свои контакты с противоположным полом чуть ли не в 11 лет (!) Не брезговал Джакомо и карточной игрой. В карты он частенько жульничал и иногда попадался, что плохо для него кончалось. В Венеции он поначалу работал церковным юристом и даже принял постриг от рук Патриарха. Но это его не остановило, жизнь он вел блестящую, но распутную. Доводилось Казанове посидеть и в тюрь-

ме за «преступления против святой веры», то есть за богохульство, распутство и драки в общественных местах. Без суда его посадили на пять лет. Но он ухитрился вместе с сокамерником-шпионом сбежать через дыру в потолке и оставить нахальную записку тюремщикам с цитатой из 117-го Псалма: «Не умру, но буду жить и возвещать дела Господни». Вот такой был лихой человек. На его жизнь пришлось еще много приключений, но заканчивал он жизнь приживальщиком во дворце у богатого аристократа, своего последнего покровителя, занимаясь приведением в порядок его библиотеки и враждая со слугами. Так бы и не осталось в истории его имени, если бы... не мемуары, прославившие Казанову в веках. Да, этот авантюрист оказался очень талантливым литератором. Его сочинения вошли в золотой фонд европейской литературы. Что же до его любовных приключений, сделавших имя Казановы знаменитым, то скрупулезный точный список его побед над дамами насчитывает 122 имени... за 39 лет. Получается по три романа в год! Для какого-нибудь хиппи времен сексуальной революции XX века, затевавших по паре романов в месяц, это число очень скромное — такой норматив выполнялся года в три, максимум в пять. Но для тех времен, это был настоящий рекорд. К слову, у литературного Дон-Жуана в некоторых источниках зафиксировано всего... 33 победы. О времена, о нравы!

ДАНИЕЛЬ ДЕФО, ПИСАТЕЛЬ И ШПИОН

Да-да, именно шпион. Представьте, великий автор Робинзона Крузо и еще нескольких десятков литературных произведений считается создателем английской секретной службы своего времени, от которой берут начало и знаменитый Скотленд-Ярд и современные хитроумные MI5 и MI6.

Он родился 365 лет назад 26 апреля 1660 года в Лондоне. Но его более подробная биография есть в интернете, и пересказывать ее мы не станем.

Гогі Кавтарадзе

ЧЕХОВ ГЕОРГИЯ КАВТАРАДЗЕ

■ **Инна БЕЗИРГАНОВА**

Режиссеру, актеру, сценаристу, педагогу, общественному деятелю народному артисту Грузии Георгию Георгиевичу (Гогі) Кавтарадзе 2 апреля исполнилось бы 85. К юбилейной дате МКПС «Русский клуб» готовит к выпуску книгу, посвященную творческой деятельности выдающегося мастера. Предлагаем вниманию читателей главу из нее.

Театральные работы Кавтарадзе всегда очень определенно отражали его отношение к реальности, режиссер чутко, иногда резко реагировал на серьезные изменения, происходящие и в жизни, и в сознании людей. При этом, даже обращаясь к классике, он не боялся смелых трактовок хрестоматийных образов и ситуаций. В этом смысле интересно вспомнить чеховские работы режиссера.

Первой постановкой Г. Кав-

тарадзе на сцене Тбилисского русского драматического театра имени А.С. Грибоедова, который он возглавил в 1992 году, стал «Вишневый сад», единодушно признанный не просто удачей режиссера, а знаковой постановкой на сломе эпох. В 1994 году на I Международном Чеховском фестивале, проходившем в Таганроге, спектакль получил самую высокую оценку.

«Вишневый сад» — не первое соприкосновение Кавтарадзе с

Чеховым: еще в Сухумском театре имени К. Гамсахурдия он поставил «Чайку». Показал ее во время гастролей в Риге и Вильнюсе. Однако из односложных оценок литовской и латышской критики образ спектакля все-таки не возникает — больше внимания уделяется другим гастрольным спектаклям сухумцев. Тем не менее, любопытно замечание театроведа Гражины Марецкайте: «Художественное осмысление Кавтарадзе «Чайки» заставило меня еще раз задуматься о судьбе человека в современном бездуховном мире». Это было в 1988 году.

И вот — 1992. «Вишневый сад». Сколько всего произошло за эти несколько лет! Старый мир не просто раскачался — он в одночасье рухнул... Помню этот спектакль — он и сегодня живет в памяти, я вижу мизансцены, развернутые в прекрасных декорациях — больших позолоченных, тронутых патиной времени рамках художника Георгия Гегечкори или у макета вишневого сада, установленного на авансцене, помню интонации актеров, их мимику, пластику, невероятно красивые костюмы. Что-то, возможно, изумляло и моментами немного корбило — взаимоотношения героев были показаны более рельефно, непривычно жестко и определенно. Это касалось, прежде всего, Лопахина в исполнении фактурного Джемала Сихарулидзе. Герой казался чересчур брутальным, материальным, циничным. Это особенно ярко проявлялось в неистовом танце Лопахина, когда купец объявляет прежним хозяевам, что именно он теперь новый обладатель именины... «За все могу заплатить!» — грохотал своим зычным баритоном Джемал Сихарулидзе. Помню, как Варя — я видела в этой роли Нану Дарчиашвили — с вызовом швыряла на пол ключи, показывая, что она больше не хозяйка в этом доме. Потом эти ключи Лопахин предлагал Ане — предполагалось, именно она будет новой хозяйкой именины...

Со временем все для моего зрительского восприятия встало на свои места — ведь именно таких хозяев жизни породила новая эпоха, и Кавтарадзе как настоящий художник не мог этого не видеть. И не мог не замечать

того, как уходит время роман-тиков, как на смену любви и от-влеченным идеалам приходят рас-чет, прагматизм. Спектакль Кав-тарадзе «Вишневый сад» от-разил необратимые процессы, происходившие в мире, в обще-стве, умах людей (хотя эти тен-денции появились отнюдь не в 90-е, а гораздо раньше). Но не только это – в спектакле, несо-мненно, аукнулись и трагические страницы истории Грузии на пе-реломе времен – гражданская война 1991-1993 гг., разруха, крушение ценностей, казавшихся незыблемыми. Конечно, многое выражалось не напрямую, а чув-ствовалось в общей атмосфере спектакля. Одна из рецензентов, театровед Надежда Шалуташ-вили, отмечает, что «Вишневый сад» в трактовке грибоедовцев печален, лишен надежды и опти-мизма.

В спектакле «Вишневый сад», который долго шел на Грибое-довской сцене, в роли Раневской выступали в разное время три актрисы. Изначально спектакль ставился на Елену Килосанидзе, затем Раневскую играли Ирина Квижинадзе и Людмила Артемо-ва-Мгебришвили. Каждая из них внесла в этот образ частичку сво-ей индивидуальности.

Варю вначале играла Ирина Квижинадзе, позднее в спек-такль вошла ее молодая коллега Нана Дарчиашвили – обе заслу-жили самые добрые отзывы. То же произошло с Шарлоттой – в этой роли была Людмила Арте-мова-Мгебришвили, а позднее – Карина Кения. В образе старика Фирса предстали трое: Михаил Иоффе, Темур Шотадзе и Лев Гаврилов. Все три редакции были по-своему интересны. Хотя, как говорил сам режиссер, вводы новых актеров обычно не лучшим образом отражаются на качестве спектакля – явление в театре весьма распространенное.

Известные театральные кри-тики отреагировали рецензиями на премьерный спектакль, в ко-тором выступал первый состав. Каждый из пишущих увидел в новых акцентах, сделанных Кав-тарадзе, нечто символическое, отражающее современность.

Надежда Шалуташвили от-метила, что «в своем спектакле режиссер показывает не только гибель прекрасного сада – сим-

вола красоты, поэтичности, но и гибель целого поколения. В сцене бала, который режиссура пред-лагает зрителю как маскарад, под звуки «Реквиема» Верди входят герои в масках, неживые их лица рожают мистически-ме-терлинковский настрой, призрач-ность жизни людей-марионеток. Очень впечатляюще! И таких сцен в спектакле немало.

Его успеху способствует и сценография молодого худож-ника Г. Гегечкори. Безусловно, интересна находка режиссера и художника в цветовом решении темы: цвет вишни в обоях дома, мебели, костюмах. Этот цвет пре-обладает в первом акте тревож-ного ожидания, а затем, во вто-ром, появляются герои в белом, ленивый покой в душах людей, и в финале – черные костюмы, платья. Черный цвет – цвет без-надежности и отчаяния.

...Г. Кавтарадзе прекрасно знаком публике как утвердив-шийся художник, талантливый актер и режиссер. На это раз он еще раз доказал, что его творче-ству присуща смелость. Даже, можно сказать, рискованность, оригинальное прочтение матери-ала... У Чехова в первоначаль-ном варианте пьесы подчеркива-лись осязаемость, предметность вишневого сада. Постановщики усилили авторскую мысль не только о неизбежности гибели дворянских гнезд, но и о хищни-ческой силе вторгшегося в жизнь капитала. И главной стала в спек-

такле не печаль об уходящей дворянской жизни, гибели поэти-ческого мира, а деловое, праг-матичное отношение к действи-тельности. Так живет в спектакле новое поколение, и это, конечно, Лопахин, ценой предательства даже друзей добивающийся вы-годы. Исполнитель этой роли Д. Сихарулидзе отторг интеллигент-ность, «тонкие пальцы», добро-желательность чеховского героя. Вместо этих качеств он обнажил потребительскую, деляческую сущность человека, которого раньше хозяева не пустили бы на порог дома с вишневым са-дом. Особенно впечатляет Си-харулидзе в третьем акте, когда Лопахин, вернувшись с торгов, ликует, проявляя свою хамскую сущность и циничность. «Пришел новый хозяин» – и поместье при-надлежит ему!

Все мизансцены спектакля – у рамп, где действующие лица группируются вокруг Ра-невской. В огромные позолочен-ные «рамы» вписаны портреты героев. Эти застывшие группы словно дополняют психологиче-ские портреты, расшифровывают характеристики и внутреннее со-стояние персонажей.

Финал спектакля великоле-пен. Опустевшая сцена – умер-ший Фирс, пустота, и только маленький беззащитный макет «Вишневого сада». Нет традици-онного стука топоров, закрыва-ющихся ставен. Точку ставит по-деловому укладывающий вещи

«Вишневый сад»

«Вишневый сад»

Лопахин, знающий, что его время, наконец, пришло».

Вера Церетели в своей публикации «Приходите все смотреть, как Лопахин хватит топором по вишневому саду!» еще определеннее подчеркнула, что увиденное ею в спектакле Кавтарадзе — это слепок современного общества, отраженный в зеркале сцены мир.

«Самое время поговорить о «Вишневом саде», благо здесь можно рассматривать не только отдельные актерские образы, но и режиссерскую концепцию. Гоги Кавтарадзе, никогда не отличающийся угодническим пиететом по отношению к русским классикам (вспомним его смелые интерпретации чеховской «Чайки» и «На дне» М. Горького), и здесь предложил собственное режиссерское прочтение. Он посмотрел на эту пьесу глазами человека, остро переживающего переломную кризисную ситуацию, в которой все мы оказались сейчас. Не осовременивая героев, он сделал их слепком нашего сегодняшнего общества. Мы увидели и ясно осознали, что в эпоху переломов выживает сильнейший, тот, у кого развит хватательный рефлекс и полностью отсутствует рефлексия — вечный спутник интеллигенции.

Лопахин здесь не символ «грядущего хама», а уже награвнувшего, жаждущего всего — не

только поместья Раневской, в котором его дед и отец были крепостными, но большой настоящей власти и женщин — в спектакле он не пропускает ни одной, включая дочь Раневской, Аню. Прежние Лопахины не отличались сладострастием, а в этом актер Джемал Сихарулидзе дал тип современного денежного мешка, уже не дремучего мужика, который топчет, не зная цены того, что у него под ногами. Этот знает, и чувства всякие ему знакомы. Ведь с каким почтением, почти сентиментальным, он смотрит на Раневскую вначале, с каким искренним желанием помочь предлагает вырубку вишневого сада под дачные участки, с каким неподдельным азартом доказывает ей способ выживания. Но все это до тех пор, пока он не владелец. А купил — тут уже не надо вставать на цыпочки, чтобы дотянуться до их духовных принципов, можно не стесняться дать волю своей неискоренимой мужицкой сути.

Такие и становятся хозяевами жизни. А утонченная, одухотворенная Раневская со своим вишневым садом, абсолютно не способная жить категориями меркантильного расчета, отторгается жизнью. Да, именно так подана здесь Раневская. Режиссер и актриса Нелли Килосанидзе прощают ей все недостатки, ясно выписанные Чеховым, они

делают ее символом давней, исчезающей как древний вид, интеллигенции, которая не умеет поступиться своими принципами и которая в этих условиях неизбежно будет стерта с лица земли. Она даже не сможет передать свой генетический код — они отторгнут его, в них сработает инстинкт самосохранения. Так, ее дочь Аня, романтическая душа, устремленная в светлое будущее (по Чехову), здесь уже не такая. Актриса И. Мегвинетухуцеси наделяет ее горьким пониманием всей ситуации, Аня инстинктивно ищет выход. И она его найдет. Неизвестно, воспользуется ли она ключами фамильной усадьбы, брошенными к ее ногам Лопахиным, но что она не станет жить, как мать, это точно.

Раневская обречена. Сама жизнь не прощает ей — не мы. Мы то как раз, благодаря актрисе, готовы по-человечески простить ей все, потому что в ее сердце столько благородства и любви. Самое поразительное, что так жива и трепетна ее любовь к утонувшему маленькому сыну Грише (этого я не помню ни у одной сценической Раневской). Для нее это не эпизод из прошлого, но ее сегодняшняя и вечная боль. Она воспринимает его смерть как кару Господню за свои прегрешения. И кто же бросит камень в кающегося грешника? Да, она всю жизнь сорит деньгами, но глядя на нее, не считаешь это пороком — ну не складывать же их в кубышку? А ее отказ от вырубки сада — это не глупость и не прихоть, это — «высочайший отказ». Она не может предать свое прошлое, своих предков. И купить благополучие ценой пошлости. В ее тихом скорбном прощании с домом и садом — прощание с самой жизнью. Раневская уходит в никуда. А вместе с ней в небытие уходит тот мир, в котором она жила и который она творила одним своим существованием. Уходит и тот последний отголосок прежнего благообразия и преданности, что несет в себе старый слуга Фирс, с долей иронии, но так проникновенно сыгранный Михаилом Иоффе.

Но не надо думать, что мир Раневской был совершенен и что все, окружавшие ее и вместе с ней оказавшиеся за бортом жиз-

ни, были идеальны. Напротив, режиссер полностью развенчивает «мечтателей» от интеллигенции. С Пети Трофимова начисто снят хрестоматийный ореол возвышенности и романтизма. Этот «вечный студент» у Элизбара Кухалеишвили – просто «облезлый барин» и «недотепа». Приживала и бездельник, который только разглагольствует о необходимости работать и поучает всех. Другой представитель «российской говорильни» – Гаев. У актера Валерия Харютченко – это тип интеллигента-неврастеника с неудержимым истерическим потоком словоизвержения и полной неспособностью к любой практической деятельности».

Не испытывая симпатии к этим «мечтателям», мы невольно ловим себя на мысли – а не с нас ли списан их сценический портрет? Кажется, мы тоже оставляем за собой право лишь рассуждать, указывать, обвинять, предоставляя право делать – другим. И не приведет ли наша сегодняшняя «говорильня» к тем же результатам?»

Прошло более тридцати лет, и мы видим драматичные результаты говорильни 90-х!

Глубоко осмыслила «расшатавшийся век на излете», выраженный в спектакле театра Грибоедова, Лана Гарон.

«Крупный, размашистый и четкий режиссерский почерк Кавтарадзе, его трезвое отношение к персонажам и свободное прочтение классического текста со всей определенностью демонстрируют, что он не питает иллюзий по поводу происходящего.

Самое интересное в спектакле то, что не вполне соответствует представлениям о «чеховском стиле». Перед нами и не тот случай, когда постановщик, зная, «как надо», сознательно искажает пьесу, нагружая ее несвойственными для нее мотивами, выворачивая на свой лад ради оригинальничания и самопоказа. Для этого режиссера, в это время, в этой стране (добавим еще: в этом театре и с этими артистами) его решение – со смещенными акцентами, новыми ударениями и неожиданными зазорами – естественно и единственно возможно. Именно здесь кроются удача и художественная правда.

В спектакле есть главное действующее лицо – Лопахин (Д. Сихарулидзе). Он – главный, потому что он действует, а другие – нет. Он становится центром притяжения и отталкивания всего, что происходит. Все остальные персонажи рассматриваются не столько сами по себе, сколько в их связях и пересечениях с Лопахиним. Деловой, трезвый человек, коммерсант, нисколько не романтик и не лирик. Цветущий мак не вызывает у него восторга (как было у Владимира Высоцкого), слова звучат вяло и тускло. Но зато выпукло, «вкусно» Лопахин произносит прозаическое: «Все равно циркуляция дела не в этом».

Варя (И. Квижинадзе) – полнеющая женщина не первой молодости, также лишена всякого романтизма. Экономка, ключница. Угадываются давние, вполне определенные, отношения ее с Лопахиним. Потому ее и дразнят. Потому она и надеется на его предложение.

Но у Лопахина другие жизненные задачи, другие планы. И эта Варя ему не нужна. Он охотно откликается на просьбу Раневской поговорить с Варей – ему и самому необходимо поставить все точки над «i». Фраза «В прошлом году об эту пору снег шел, а теперь тихо и солнечно» наполняется новым для нас смыслом: как все переменялось с прошлого года. При этом Лопахин делает двусмысленный непристойный жест, говорящий об их грубоватых интимных отношениях.

Этот Лопахин имеет виды на Аню, и Аня (И. Мегвинетухуцеси) очень замаскированно, но отвечает ему. Жизнь с Петей (Э. Кухалеишвили), никчемным пустословом, лишенным здравого смысла и основательности, ее не прельщает. Она пытается повернуть его к реальности, но безуспешно. Их общие мизансцены Кавтарадзе всегда выстраивает так: впереди – Аня, за ней – Петя. Она устремлена в новую жизнь, которая для нее нечто другое, чем для Пети Трофимова.

В этом распадающемся на части мире, о котором рассказывает спектакль Гоги Кавтарадзе, Ане нужен человек устойчивый, могущий поддержать. Аня – персонаж нашего времени: она трез-

ва и обыденна. Обыденность – ее главная черта. В большом монологе, который в прежних спектаклях всегда звучал возвышенно и лирически, у тбилисской Ани – лишь холодная, ясная и спокойная констатация факта: «Начинается новая жизнь, мама». Как данность, как фиксирование случившегося. С тем же každодневно сталкиваются и зрители тбилисского спектакля: началась новая жизнь, она требует каких-то иных, новых качеств, надо научиться жить по-другому, научиться покупать и перепродавать, научиться считать деньги... И слова Гаева (В. Харютченко) «Я – банковский служака, я – финансист» воспринимаются, как узнаваемые сегодняшние реальные проблемы. То время кончилось. Начинается другое. Вот деловой и трезвый посыл Ани. «Мы насадим новый сад!» – в голосе ее звучит ярость, но лицо обращено к Лопахину. В сценической чеховиане – это новый и любопытный мотив, который мог появиться только в конце XX века. В финале, после звука лопнувшей струны, в рамках появились персонажи спектакля. Они стояли спинами к нам и с вытянутыми вверх руками. Но вот зазвучали резкие звуки – рубили деревья.

«Три сестры»

С Робертом Стурра

И с каждым ударом руки падали, как подрубленные деревья. Или люди?.. Потом внезапно фигуры повернулись к нам: на всех были белые маски, и руки были опущены с открытыми к нам ладонями...»

И уже спустя годы после премьеры, когда временное расстройство и изменившиеся реалии какие-то моменты в спектакле сделали еще более очевидными, чеховед Татьяна Шах-Азизова в своей книге «Полвека в театре Чехова», анализируя опыт грузинских постановок Чехова, упомянула в своем обзоре спектакль Кавтарадзе и рецензию Ланы Гарон: «То был спектакль военного времени. Лана Гарон, очевидец событий и рецензент спектакля, воссоздает атмосферу в городе: «Выстрелы по ночам. То частые, как из пулемета, то одиночные и глухие, где-то далеко, и словно ненастоящие, «как в театре». Я всякий раз забывчиво переносилась мыслями в 41-й год и всякий раз с изумлением и ужасом понимаю, что здесь только что прошла война, что они ее только что пережили ...в центре города, на Руставели — остовы зданий, полуобгоревшие дома, развалины».

В журнале «Русский клуб» рядом с ее статьей — фотографии

этих развалин, словно кадры из жутковатого фильма. То целый блок разрушенных зданий; то одно, театральное по своей выразительности: зияющие проемы дверей, за которыми пустота; сохранилась только стена, часть фасада с декорумом — видимо, был старинный, величаво красивый дом. Казалось бы, не время для этой пьесы — что отзовется в ней на войну? Отозвалось жесткостью взгляда, пониманием бесповоротности слома, смены времен в «этом распадающемся на части мире»... Кавтарадзе вычитал в пьесе (вернее, ввел в нее) новый, непредвиденный автором и подсказанный, как видно, временем мотив: альянс Лопухина и Ани, трезвой, практичной девушки, ищущей прочной опоры. Жестом доверия и согласия он ей вручает ключи, брошенные ему под ноги Варей после продажи сада. Стремясь к определенности решений, Кавтарадзе хочет внушить ее зрителям. С этой целью из разных реплик героев, рассыпанных по пьесе, составляются их монологи с самооценкой, что не ведет, однако, к узкой, навязчивой тенденциозности. Люди, их отношения, равно как и вся ситуация пьесы, у Кавтарадзе сложны и вызывают к объективному рассмотрению. Терпящие бедствие, от Раневской до Епиходова, не лишены права на драму. Победитель не выглядит хищником».

Татьяна Шах-Азизова говорит и о судьбе спектакля, которая могла быть совсем другой — более резонансной и успешной, но не сложилось — сыграли роль обстоятельства.

«Спектакль этот, трезвый и горький, своевольный и пронизательный, стал личной репликой режиссера в сумятице грузинских событий. Он переживает эти события, дожидается других, но в ту пору подхвачен, поддержан не будет. Он мог иметь широкий, не местный резонанс, войдя в общий процесс чеховского театра, в ту пору сложный и драматичный. Россия рубежа 80-х и 90-х, своих «перестроечных» лет, после известного (хоть и краткого) охлаждения к классике (к Чехову в том числе), вновь возвращалась к ней, и новизна исходила от неопитов — от молодежи, неопытной и свободной, от камерных

сцен и студий, от углов и глубин провинции; шел очередной этап энергичного присвоения Чехова... Как знать: попади тбилисский спектакль в этот круг, войди он сюда на равных, судьба его (да и «грузинского Чехова») могла сложиться иначе. Но Москва спектакля не увидела. Во время гастролей Театра им. Грибоедова в 94-м году его не взяли с собой — не смогли привезти декорации. А потом Кавтарадзе покинул театр, и ряд актеров также, и спектакль перестал жить. Однако брешь в стене, отделявшей грузинский театр от Чехова, была пробита, проломана резким движением. В нее потом устремятся другие — не массово, постепенно, но с чувством права на своего Чехова».

Вернется к Чехову незадолго до кончины и Гоги Кавтарадзе — поставит «Три сестры». Правда, не на родной тбилисской сцене, а в Ростовском театре имени М. Горького. И это будет опять большая его удача! «В постановке легендарного Георгия Кавтарадзе спектакль получился тонкий и пронзительный, как скрипичная мелодия. Актерские работы — сильные, искренние! Зритель на премьере — чуткий, подготовленный к Чехову». Так писала пресса.

Спектакль (кстати, Кавтарадзе считал «Три сестры» первой русской пьесой абсурда!) до сих пор сохраняется в репертуаре театра — премьера состоялась в 2018 году, за два года до кончины режиссера. На спектакль откликнулся «Петербургский театральный журнал»: Людмила Фрейдлин написала рецензию «Способ забыли...». Приведу ее целиком:

«Неловкая история» — так Чехов сам назвал в письме к другу события своей пьесы «Три сестры». Этой неловкостью начинены монологи персонажей, выходящих на специальную площадку величиной с сиденье стула и говорящих прямо в зал. Это они нам рассказывают о том, что их тревожит. Даже кажется, что оправдываются. За неудавшуюся жизнь. В частности, за то, что не работали никогда в жизни или ходят на службу, но она им опостылела. Андрей (Евгений Климанов) адресуется нам вопрос: «Отчего мы, едва начавши жить, становимся скучны, серы, неин-

тересны?...» Проиграв свое настоящее, он утешается взглядом в будущее, которое видит свободным «от праздности... от гуся с капустой... от подлого тунеядства». Куда ж ему в это светлое будущее, когда рядом жена Наташа, «шершавое животное»? Режиссер «смягчил» ее облик, выведя не в розовом платье с зеленым поясом, а в платье более мягких тонов, синих – тут контраст был не таким вопиющим (Кристина Гаврюкова играет Наташу так, что понятно: наступление хамства всегда заканчивается победой, когда нет отпора). Один Кулыгин (Сергей Власов), всегда оживленный и бодрый, всем доволен: и учительством в гимназии, и женой Машей, которая до потери памяти увлеклась другим человеком.

В странном доме живут Прозоровы. Художники Бидзина Кавтарадзе и Валентина Сергеева поместили их в антиуто. Небольшой черный столик и черные стулья наводят на мысль о временном пристанище; голые белые шесты с темными поперечными полосками намекают на береговую рошу. И когда Вершинин радуется обилию цветов, мы понимаем, что он видит то, что скрыто от наших глаз. А пожар не вызывает у нас эмоций – чему тут гореть?

Духовой оркестр в правой кулисе с первой же сцены будоражит зрительское воображение. Тем более что напротив стоят пустые пюпитры. На том их декоративная функция исчерпана. Умолкнувшая музыка? Так в левой кулисе пианино, к которому несколько раз сядет Маша. А оркестр будет вступать всякий раз, когда кто-то произнесет слова «военные» или «бригада», и совсем неожиданно – после реплики Кулыгина в сторону Наташи: «Разошлась...»

Режиссер Георгий Кавтарадзе знаком ростовским актерам и зрителям постановками по Шекспиру и Достоевскому в 90-е годы. Он искал в этих материалах точки соприкосновения с горячими событиями дня, сплетая времена, наглядно демонстрируя, как история развивается по спирали. Пьеса Чехова идет «в чистом виде» и задевает сегодняшних зрителей беспокойной мыслью о призрачном существо-

вании обитателей дома, которое то ли есть на самом деле, то ли просто кажется жизнью (что они и сами подозревают). Смысл этой постановки, как я понимаю, – в желании внимательно рассмотреть этих людей, живущих в глубоком разладе со словами, которые они произносят. Говоря по разным поводам «А не все ли равно?», «Мне все равно», они в действительности мучаются той безнадегой, из которой не находят выхода. И даже Чебутыкин (Юрий Добринский), нехоти мурлыча свою «тарарабумбию» и цинично отозвавшись на убийство Тузенбаха, порой не может сдержать слез.

Кстати, все эти словечки, стихотворные цитаты, точно середины мысли, прежде проговоренной персонажем про себя, в этом спектакле ничего не значат. Точно не стоят за ними сомнения, метания, желание скрыть неуверенность, уязвимость, незащищенность от жизненных ветров. До обидного проходной промелькнула сцена с волчком.

А вот в том, как общаются сестры – в откровенности, в желании не просто обняться, а стать единым целым, – читается простая мысль: они ищут спасения друг в друге. И строгая, рассудительная Ольга (Елена Климанова), и непосредственная, стремительно взрослеющая Ирина (Юлия Кинеберг), и загадочная Маша (Оксана Войцеховская), больше смахивающая на Машу из «Чайки», которая носит траур по своей жизни. Эта средняя сестра, постоянно находящаяся в пограничном состоянии между соблюдением приличий и нервным срывом, в прощальной сцене с Вершининым отвешивает ему пощечину (?!), прежде чем прикинуться к нему. А сам «влюбленный майор» из прошлого (Роман Гайдамак), видимо, с тех романтических времен изрядно поскущел и при расставании ведет себя так, будто скорее тяготеет к Машиней неврастенической страстью, чем печалится концу своего короткого счастья.

Может, и вправду самая сильная любовь – неразделенная, как утверждают многие поэты? Так любят Тузенбах (Алексей Тимченко) и Соленый (Александр Волженский). Робкий, но не теряющий надежды барон (почему-

С Эльдаром Шенгелая и Темуром Чхеидзе

то говорящий с акцентом, хотя он немецкого и не знал никогда), и штабс-капитан в дешевой демонической маске, бретер – такие соперники были бы в комедии уместны. Но Соленый в спектакле – единственная фигура, к финалу вызывающая особый интерес. Вроде впроброс прозвучали его прежние слова о том, что он вдвоем с кем-то не такой вздорный, как в обществе. И позже – что «все-таки честнее и благороднее очень, очень многих... И могу это доказать». И, право, доказал. Кажется, уже все забыли о гибели Тузенбаха, а Соленый вышел растерянным и подавленным, точно вовсе не собирался подстрелить барона, «как вальдшнепа», а фраза была лишь бравадой. Он сделал какое-то неопределенное движение рукой и в сердцах грохнул об пол и раздавил ногой флакон с духами, который вечно вертел в руках.

Светлое будущее как-то не очень просматривается. И последние слова Ольги «...и, кажется, еще немного, и мы узнаем, зачем мы живем, зачем страдаем...» усечены до «зачем мы живем, зачем страдаем...».

То есть не узнаем никогда.

Марухский перевал

НА ЛЕДЯНОМ ПОЛЕ

■ **Владимир ГНЕУШЕВ**

Андрей ПОПУТЬКО

Предлагаем вниманию читателей главу из книги «Тайна Марухского ледника» — документального повествования о героической обороне Марухского перевала во время Великой Отечественной войны, доблести наших бойцов, не пустивших фашистов через Кавказский хребет.

После выхода первого издания, летом 1966 года, на Марухский перевал поднялись сыновья и дочери погибших здесь героев, оставшиеся в живых участники сражений на перевалах Кавказа. В память погибших был установлен обелиск, в который замуровали стальную капсулу с книгой «Тайна Марухского ледника» и письмом комсомольцев Карачаево-Черкесии, адресованным будущим поколениям. В письме были такие слова: «Дорогие потомки! Быть может, когда вы вскроете этот пакет, многих из нас уже не будет в живых, но дело, которому мы служим, будет жить в веках... Нашим отцам выпало прожить трудные годы. И ради жизни, ради всего честного и светлого в ней, ради счастливого будущего, ради вас, друзья, огромной ценой человеческих жизней на этой пяди земли Кавказских гор советские люди отстаивали свободу, мир и счастье грядущих поколений».

Всего на перевалах Главного Кавказского хребта стоят более 30 обелисков героям.

А в Тбилиси, в районе Ваке, и сейчас сохраняет свое название улица имени Героев Марухского перевала.

Одним их участников битвы за Марухский перевал был рабочий совхоза «Черкесский» Яхья Магометович Нахушев, проживавший в ауле Абазакт Хабезского района Карачаево-Черкесской автономной области. (Последствия ранений сказались на здоровье Я.М. Нахушева. Несколько лет он тяжело болел и скончался в своем родном ауле летом 1966 года).

Мы встретились. Яхья Магометович волновался. Одну за другой курил сигареты, отчего небольшая комната потонула в седом дыму.

— Прибыл я в 394-ю дивизию в августе 1942 года, — начал свой рассказ Нахушев. — Получил назначение в 3-й батальон 808-го стрелкового полка. В этот же день был в батальоне. У огромной скалы меня встретил комбат, старший лейтенант Рухадзе. Когда я доложил о прибытии, он пристально посмотрел в лицо, спросил:

— Откуда родом, с Кавказа?

— Да. Родные места рядом,

Яхья Нахушев

вот, рукой подать, за Марухским перевалом. Я ведь черкес.

— Значит, почти земляки, — улыбаясь говорит Рухадзе. — Ну что ж, генацвале, будем воевать вместе.

— А есть ли еще черкесы в батальоне и в полку?

— Все у нас есть. Полный выбор: и черкесы, и грузины, и русские, и с Украины, аварцы и азербайджанцы, башкиры и армяне... Настоящий интернационал. В состав дивизии входит более тридцати национальностей. Сила! И этой силы чертовски боются фрицы...

Затем комбат подробно охарактеризовал боевую обстановку. Кратко объяснил причины чрезвычайных трудностей, которые испытывали защитники перевала.

— Трудно, очень трудно, — говорит комбат. — Надо быть готовым ко всему. Но пропустить врага мы не можем, не имеем права. Ваша задача — обеспечить бесперебойную связь штаба батальона с ротами.

— А где ваш штаб? — спросил я.

— Как где? Стоишь рядом и не видишь. Вот, — улыбнулся Рухадзе и указал рукой на скалу, у подножия которой сидели несколько бойцов. — Там тебя и твой взвод ожидает.

Мы подошли к «штабу». Здесь я принял свой «взвод» связи в составе... двух солдат. Всего во взводе было семь человек, но остальные находились в подразделениях: трое в стрелковых ро-

тах нашего третьего батальона, один — в отдельном минвзводе и пятый — во втором батальоне. Никаких технических средств связи не было, информации и донесения от соседей получали только через посыльных. Вот эти посыльные и составляли мой взвод.

На первый взгляд кажется, что обязанности наши были слишком скромными: добратся к роте, устно передать боевое донесение или приказ — и все... Но это только кажется. Хотя расстояние от штаба батальона до роты не превышало пятисот метров, каждый пеший «рейс» требовал выдержки, боевой смекалки и даже мужества. Ведь ходить приходилось на высокогорной местности и ночью, когда на каждом шагу тебя подстерегала засада врага или угроза скатиться в пропасть, а днем передвигаться на глазах врага, «сидя» на мушке немецких снайперов.

Вот почему в моем маленьком взводе всегда были большие потери, солдаты часто менялись, а поэтому фамилии многих бойцов не помню. Хорошо запомнились из первого состава взвода Рухадзе (однофамилец командира батальона), Ломидзе, Александр Курцикидзе, Балухашвили.

— А вы помните имя и отчество вашего бывшего комбата? — спросили мы Яхью Магометовича.

— Не помню, ведь прошло двадцать лет.

— А не Василий Рожденович?

— Да, точно, — обрадовался Нахушев.

Мы показали Нахушеву выписку из журнала боевых действий 808-го полка. Он бережно взял отпечатанный на машинке лист и начал читать вслух:

— «В бою отличились: командир третьего стрелкового батальона старший лейтенант Рухадзе Василий Рожденович. За умелое руководство подразделениями награжден орденом Красной Звезды.

Военком батальона политрук Киладзе сумел поднять бойцов и командиров на врага, сам был первым в рядах, из личного оружия в момент атаки расстрелял двух немцев. В бою ранен. Представлен к правительствен-

ной награде.

Командир 8-й роты лейтенант Схиртладзе Николай Исидорович во время боя на горе Кара-Кая первым перешел в наступление, потеснил и опрокинул врага. Лично сам уничтожил пять фашистов, в том числе одного офицера. Взял в плен одного фашиста. Тяжело ранен. Награжден орденом Красного Знамени.

Командир 1-го взвода 7-й роты лейтенант Барамидзе со своим взводом ворвался в район обороны противника и огнем обеспечил разгром его правого фланга. Ранен. Представлен к правительственной награде.

Помощник командира 2-го взвода 7-й роты старший сержант Цинцадзе в момент гибели командира принял на себя командование взводом, развил успех атаки с тыла. При выходе из боя был ранен. Награжден орденом Красной Звезды.

Командир 7-й роты лейтенант Марджанишвили Шалва Михайлович в боях 29 августа по своей инициативе с группой бойцов фланговым ударом по врагу дал возможность 8-й роте развивать наступление. Сам лично с группой бойцов уничтожил до 25 фашистов. Является образцом храброго и мужественного командира. Награжден орденом Красного Знамени».

— Как бы мне хотелось встретиться с Рухадзе, — с грустью сказал Нахушев.

— А вы думаете, он остался жив?

— Я в этом уверен. С февраля 1943 года он мог на фронте и не быть. После боев на перевале мы с ним участвовали в освобождении Кубани. На моих глазах 9 февраля 1943 года под селом Культурное он был тяжело ранен в левую руку. Я перевязал его, вынес с поля боя и отправил в госпиталь. Ему тогда могли ампутировать руку. Так что вполне возможно, что он жив, трудится где-нибудь в Грузии.

Яхья Магометович, уставший от тяжелых воспоминаний, умолк.

Уезжали мы поздним вечером. Над аулом Абазакт спустились густые сумерки. Было тихо кругом. Только слышался привычный шум бурной горной реки Малый Зеленчук, бегущий

от самых Марухских ледников, а за ней густо темнел лес, и доносился от него чуть слышный запах набухающих почек.

Мы не переставали думать над предположениями Нахушева, что Рухадзе жив. Он, конечно, мог бы много рассказать о боях на леднике! Но как его найти? И здесь у нас появилась простая мысль: в грузинской республиканской газете «Заря Востока» опубликовать материал о Рухадзе, и тогда он откликнется.

Наше предложение охотно приняли грузинские журналисты. Материалы были опубликованы. Через несколько дней нам из Тбилиси позвонили и сообщили радостную весть: Рухадзе отозвался, живет в Тбилиси, и сам приходил в редакцию сообщить, что с большой радостью готов поделиться своими воспоминаниями.

В Тбилиси состоялась, наконец, наша долгожданная встреча с бывшим командиром третьего батальона 808-го полка Василием Рожденовичем Рухадзе.

Так вот он какой! Мы представляли его человеком богатырского роста, без левой руки, еще сравнительно молодого, с традиционными черными усами. А он оказался другим. Василий Рожденович – пожилой, полный, среднего роста. И, как это ни странно, внешне он показался нам больше похожим на украинца, чем на грузина. Но когда мы начали беседу, то и акцент, и горячий темперамент выдавали в нем типичного кавказца.

Уже с первых слов Василий Рожденович расположил к себе, подкупил своей сердечностью, искренностью и отцовской теплотой. В тот момент, когда мы рассказывали ему, как были найдены останки боевых друзей, как хоронили их в станице Зеленчукской, он не мог сдержаться. Вскликивал со стула, на мгновение по-солдатски застыл в положении «смирно», а затем правой рукой снимал очки, не стесняясь, вытирал платком слезы... Так было несколько раз.

Как выяснилось из беседы, Василий Рожденович за свои шестьдесят с лишним лет прошел славный жизненный путь. Боевую закалку, которая очень пригодилась на Марухском перевале, получил он еще в годы гражданской войны. В 1924 году был курсантом Грузинского сводного военного училища. За революционные заслуги перед Родиной в те годы был награжден грамотой «Стойкому защитнику пролетарской революции от Реввоенсовета СССР» и карманными часами. Офицерское звание Рухадзе было присвоено еще в 1926 году. В члены партии вступил в 1929 году. В довоенное время работал в Абхазии директором Очамчирского чайного

совхоза. Когда началась война, ему, как специалисту, была предоставлена бронь, но он отказался от нее и добровольно ушел на фронт.

Мы нет-нет да посматривали на его левую руку. Это заметил Рухадзе.

– Что вы так смотрите? – спросил он.

– Откровенно говоря, Василий Рожденович, мы думали, что вам ампутировали левую руку...

– Рука-то есть, но все равно что нет, – ответил он и показал малоподвижные пальцы. – Восемь месяцев после ранения пролежал я с ней в госпитале и так после уже на фронт и не попал, стал инвалидом второй группы.

Василий Рожденович снова попытался поднять неподвижную руку. И вдруг неожиданно спросил:

– А откуда вы знаете эти подробности?

– Нам рассказал Нахушев.

– Нахушев, Нахушев... – несколько раз задумчиво повторил Рухадзе припоминая.

И тут Василий Рожденович радостно воскликнул:

– Вспомнил!!! Наш командир взвода связи. Значит, жив?

– Жив. И жаждет встречи с вами.

– Превосходно! – обрадовался Василий Рожденович и снова полез в карман за платком. – Знаете ли вы, что я, можно сказать, обязан ему своей жизнью. Помню его хорошо, очень хорошо, а вот фамилия за 20 лет выветрилась из головы. Где же он сейчас?

– Живет в Карачаево-Черкессии и шлет вам большой привет.

– Спасибо ему, большое-большое спасибо. А встретимся мы обязательно.

– Мы тоже уверены, что эта встреча состоится. А сейчас хотели бы встретиться с вашими боевыми товарищами, которые живут здесь, в Тбилиси.

– Пожалуйста, – сказал Рухадзе. – По моему сигналу сейчас же будут здесь мои друзья-однополчане: командир восьмой роты Нико Схиртладзе и командир взвода Котэ Свинтрадзе. Представьте себе, мы все трое после войны жили в Тбилиси и не знали друг о друге. И свели нас вместе вы через газету «Заря

Обелиск на перевале

Востока». Можете себе представить, как мы обрадовались. И сейчас поклялись друг другу, что до конца дней своих будем вместе, навечно закрепим дружбу, рожденную двадцать лет назад. Поклялись, что дружбу эту после нас будут продолжать наши сыновья и внуки...

Вечером на квартире Василия Рожденовича мы встретились с его боевыми друзьями – бывшим командиром 8-й стрелковой роты Николаем Исидоровичем Схиртладзе и бывшим командиром взвода Константином Нестеровичем Свинтрадзе. Хозяйка дома Римма Николаевна была очень рада гостям. Еще раз послушать рассказы героев Марухской битвы пришли дочь Рухадзе Тамара, сын Виктор и внуки.

– Когда раньше я порой в кругу друзей начинал рассказывать о боях на Марухском перевале, – говорит Рухадзе, – я замечал, что на меня смотрели как на любителя охотничьих рассказов...

– Это точно, товарищ комбат, – подтверждает Нико Схиртладзе, – многие просто не верили, что такие невероятные трудности может перенести человек.

И Нико, и Котэ сами не замечали того, что в беседе все время называли Рухадзе не по имени и отчеству, а «товарищ комбат» – так же, как называли его 20 лет назад. Под воздей-

ствием оживленной беседы они сейчас были там, на Марухском перевале...

В поисках новых участников боев нам еще дважды приходилось бывать в Тбилиси. И нам удалось узнать, что там живет бывший командир 808-го полка Шалва Васильевич Телия. Он на пенсии, серьезно болеет. Там же трудится в системе здравоохранения бывший военврач Георгий Агабович Мочитадзе. Узнали мы подробности о гибели лейтенанта, командира минометной роты 808-го полка Мамия Владимировича Маглакелидзе. Впервые о Маглакелидзе рассказала нам его сестра, ныне директор одной из школ Тбилиси Мария Владимировна.

– Мой брат воевал на Марухском перевале, – говорит она, – и оттуда я получила от него единственное письмо, в котором было много бодрости и уверенности, что враг будет уничтожен полностью. С того времени, то есть с августа 1942 года, никто уже не получал от него вестей. Лишь в ноябре того же 1942 года я получила письмо от фронтового врача Жоры Мочитадзе, который сообщил мне, что брат погиб в бою 9 сентября...

Так как Мария Владимировна говорила, что воевал ее брат в 3-м батальоне 808-го полка, мы обратились за подробностями к В.Р. Рухадзе.

– Отлично помню этот день, – сказал Василий Рожденович, – и особенно гибель Мамия Маглакеладзе. День уже клонился к вечеру, рота Мамия вела ожесточенный бой за высоту. Мамия не успел освободить эту высоту. Когда он, любимец всего батальона, погиб как храбрец, я созвал представителей всех подразделений моего батальона, и мы вместе поклялись освободить высоту, отомстить за Мамия. Клятву свою мы выполнили, хотя потеряли еще многих товарищей. Среди них совсем молодой Павел Асатиани, комсомольцы Цинтадзе, Дочвири, Алиев. Утешало нас только то, что фашисты понесли потери в несколько раз больше. Маглакеладзе я тогда же представил к награждению посмертно...

А вскоре после этого рассказа нам в руки попало и то самое письмо врача Жоры (Георгия) Мочитадзе, о котором сообщала Мария Владимировна. Оно и само, на наш взгляд, является документом войны, со всем ее мужеством и болью, и потому нам хочется без сокращений привести его полностью:

«Здравствуй, дорогая, незнакомая Маро!

Я хочу написать о Вашем брате. Мне очень трудно писать об этом, но не писать тоже нельзя.

Я Вашего брата знал, еще

когда он был в 815-м стрелковом полку. Я там служил врачом. Скоро меня перевели в госпиталь. Ваш брат лежал в нашем госпитале. Когда выписали, он уже был назначен командиром вновь организованной минометной роты. Он выехал на фронт, чтобы уничтожить фашистов. Он первый с призывом: «За Родину, за Сталина!» выступил вперед. Они на этот раз заняли высоту. Это было 9 сентября 1942 года в 8 часов. Как мне передали, он остановил солдат, а сам пошел дальше разведать, остались поблизости фашисты или нет. Велел своим в нужном моменте не растеряться. Он был уверен, что где-то близко остались фашистские крысы. И молодой парень, статный имеретинец, красивый блондин, снял шапку, оглядел красивую природу, пошутил, мол, трус без пули, от страха умрет, взял бинокль, автомат, попрощался и ушел. Скоро он вернулся с нужными сведениями, рассказал подробно о местонахождении фашистов и опять самый первый выступал против фашистов, но тут подоспела пуля врага, и его не стало. Пуля повредила ему череп головы и левую сторону грудной клетки. Ваш брат Мамия героически погиб за Родину 9 сентября 1942 года в 3 часа дня. Его рота с честью выполнила приказ своего командира, они заняли вторую высоту и освободили местность от фашистов.

Сестра Маро! Его не стало для родных, для сестер, братьев,

особенно матери.

Я знаю, какое это горе для всех, но в действительности он жив. Ведь его героические дела живы, ведь он собственной грудью защищал каждую пядь советской земли. Он похоронен среди двух холмиков, на том месте, где он погиб. Это место знаем я и лейтенант из г. Зестафони Чхиквадзе Дианоз, который в этих боях был заместителем Вашего брата.

Сестра Маро, не сообщайте об этом матери, ей будет трудно. А вы отмечайте каждый раз 9 сентября, минуты его гибели. Родина не забудет его, также тех героев, которые, как Мамия, пали за Родину смертью храбрых. Родина всегда будет помнить этих патриотов, защитников Родины.

Этим кончаю. Конечно, мне очень трудно и неудобно писать об этом, но чем бесконечно ждать, лучше знать обо всем.

С братским приветом, врач Жора Мочитадзе 1942 г. 23 ноября»

В селе Роденаури Зестафонского района отыскан бывший отважный связист и разведчик Леван Симонович Мшвениерадзе. У него 12 детей и 28 внуков.

Целое отделение «марухцев» нашлось в Кутаиси: бывший зам. командира роты Александр Сейтович Алпаидзе, врач Иван Соломонович Швангирадзе, бывшие солдаты Турабелидзе, Хучуа.

Отозвался и бывший начальник штаба 808-го полка Николай Алексеевич Фролов. Он работал

на ремонтно-механическом заводе «Самтреста» в Гурджаани.

Отозвались однополчане из Вознесенска Николаевской области Иван Николаевич Рогачев и Филипп Васильевич Мереженко, бывший ПНШ-1 Вершинин Павел Степанович из города Кирова. Все они и дополнили рассказ о боевых действиях 808-го полка, о необычном фронте, где и штурм высот, и оборона их проходили не на земле, а на ледяном поле, за облаками...

Ночью, когда батальон совершал марш к перевалу, в селе Чхалта командир 3-го стрелкового корпуса генерал-майор К.Н. Леселидзе вызвал к себе комбата В.Р. Рухадзе. У генерала находились командир дивизии подполковник Кантария, первый и второй секретари Абхазского обкома партии и председатель Совета министров Абхазской республики.

Генерал приказал несколько изменить маршрут, оставить в Чхалте девятую роту лейтенанта Арташеса Вартапяна для охраны штаба, а остальными ротами продолжать марш на Марухский перевал.

Генерал и все присутствующие по-братски обняли комбата Рухадзе и комиссара Киладзе. По теплоте проводов, по простоте обращения генерала, нетрудно было понять, что 810-й полк, к которому примкнул батальон 808-го полка, идет на опасное и ответственное задание.

Марш был очень трудным. На перевал батальон прибыл вечером 27 августа.

В боевом охранении шел первый взвод 8-й роты, которым командовал лейтенант К.Н. Свинтрадзе.

На рассвете, как только батальон вышел на ледяное поле, егери, расположенные на левой стороне вершины, открыли огонь из автоматов и минометов. Трудно было найти укрытие. Появились первые раненые. Некоторые бойцы, впервые участвовавшие в бою, растерялись, но здесь появился командир роты лейтенант Н.И. Схиртладзе.

Командир роты быстро ликвидировал временное замешательство. По цепи полетела команда:

— Огонь!

И когда на врага обрушился

шквал огня, бойцы почувствовали в себе силу и уверенность. Это были их первые выстрелы не по мишеням, а по живым фашистам. Этим огневым заслоном воспользовался взвод лейтенанта Григория Барамидзе, ранее посланный в боевое охранение. Он первым ворвался в район обороны егерей и закрепился на высоте.

До самых сумерек продолжался бой, а затем снова переходили ледяное поле. Это поле и без боя проходить было нелегко, так как на каждом шагу подстерегали коварные ловушки – ледяные расщелины. Рухадзе вспоминает, как находившийся поблизости его связист Баратели в одно мгновение угодил в трещину. К счастью, она была не очень глубокая, но тем не менее вытащить его оттуда оказалось нелегко. Врезов не было, поэтому связали пояса и спустили в щель, но их не хватило. Выручила находчивость сержанта Левана Мшвениерадзе, который достал свои обмотки, привязал их к поясам. Так и спасли связиста.

В ночь на 29 августа основные силы батальона сосредоточились на склоне Кара-Кая. Расставили ночные посты, которые сменялись через каждые 15-20 минут (больше бойцы не выдерживали, было очень холодно).

Все ясно представляли себе, что завтра – 29 августа – предстоит выдержать еще более жестокий бой. Поэтому готовились к нему. Рухадзе и Киладзе собрали командиров рот и политруков, обсудили обстановку, выслушали разведывательные сведения, отправили донесения в штаб полка. Было известно, что враг укрепился на леднике на противоположной стороне Кара-Кая, закрыв батальону дальнейший проход на Клухорский перевал.

Во исполнение общего плана, утвержденного командованием 810-го полка, составили собственный план боевых действий. Седьмая рота лейтенанта Шалвы Марджанишвили должна была ночью незаметно вывести два взвода, обойти противника с левого фланга и атаковать с тыла. Взводу лейтенанта Барамидзе приказано на рассвете занять командную высоту. Вось-

мой роте лейтенанта Схиртладзе ставилась задача наступать на основные укрепления врага. Для этого следовало спуститься по отвесному заснеженному склону. Это была очень трудная задача, требовавшая большой физической силы и выдержки. И поручили ее Схиртладзе не случайно. Он был очень сильный, еще до войны закончил институт физической культуры. В его роте было много таких же, как он закаленных солдат. Поэтому задачу он мог выполнить лучше других.

Было еще темно, когда седьмая рота атаковала левый фланг противника и заняла вражеские позиции.

Успешно справилась со своей задачей и восьмая рота. Спустившись в ущелье – а спускаться пришлось ползком по снегу, – Схиртладзе разбил роту на маленькие группы. Надо как можно ближе подойти к врагу. С большим трудом преодолели почти отвесную обледенелую скалу. Затем уже стало легче делать восхождение. Таким образом, незамеченными подошли вплотную к противнику. Хорошо слышали немецкую речь. Залегли и ждали рассвета. Затем дружно забросали фрицев гранатами. Это был сигнал для остальных групп батальона, которые открыли по фашистам сильный огонь. Внезапность сделала свое дело. Враг был в панике. Он метался во все стороны под губительным огнем. Большая группа гитлеровцев, около 60 человек, бросилась к правому флангу, где находился штаб батальона с резервным взводом. И тут встретили врага мощным огнем из станковых пулеметов и автоматов. Огонь вел и комбат, и комиссар батальона Киладзе, и адъютант старший батальона Андрей Басиули, и командир взвода связи Яхья Нахушев, и даже врач батальона Иван Швангирадзе...

После трехчасового ожесточенного боя враг был опрокинут с командной высоты и понес большие потери. В этом бою были тяжело ранены командир 7-й роты лейтенант Марджанишвили, командир взвода лейтенант Барамидзе, адъютант старший батальона лейтенант Басиули и другие. Батальон захватил у врага большие трофеи: пулеметы,

автоматы, ручные гранаты, патроны, альпинистскую обувь, сухари, консервы, витамины в таблетках, коньяк, ликер, плащ-палатки и многое другое.

Добыча была кстати. Многих бойцов вооружили немецким оружием, раздали солдатам плащ-палатки, альпинистскую обувь, распределили продукты.

Началась подготовка к новому бою. Нужно было знать обстановку у противника. Помогла в этом 8-я рота лейтенанта Схиртладзе, которой удалось захватить «языка». До смерти перепуганный, фриц без конца повторял одни и те же слова: «Корпус», «Генерал Ланц», «егеря», «белая лилия», «эдельвейс». От него удалось получить важные сведения.

Ночь на 30 августа была очень холодная. На рассвете бой возобновился с новой силой. Враг начал отчаянное наступление. Вначале на участке 7-й, а затем 8-й роты. Атаки чередовались одна за другой. Немцы несли большие потери, но натиск свой не ослабляли. Им удалось ворваться в расположение взвода лейтенанта Чхатарашвили. Вот здесь командир взвода совершил свой подвиг. Он один вступил в смертельный бой с десятью гитлеровцами, восемь из них уничтожил, но в схватке сам поскользнулся и полетел в ледяную пропасть. Командование взводом принял сержант Цинтадзе. Атака была отбита.

Затем фашисты предприняли наступление на позиции 8-й роты. В этом бою командир роты лейтенант Схиртладзе загал врага в каменный «мешок», подпустил на близкое расстояние, а затем открыл огонь с трех сторон. Ему помог еще резервный взвод батальона. Многие вражеские солдаты нашли здесь себе могилу. Но и этот удар не остепенил врага. Он бросил свои силы на резервный взвод штаба батальона. Снова отчаянная схватка, в которой пришлось применять и гранаты. В отражении атаки принимал участие штаб батальона в полном составе.

Несмотря на потери, егеря предпринимали огромные усилия, чтобы окружить батальон. Положение было серьезное. Стало ясно, что этими силами к Клухорскому перевалу про-

А. Попутько и В. Гнеушев дают автографы читателям

рваться не удастся. Вечером в батальон прибыл командир 810-го полка майор Смирнов. Он осмотрел позиции, направил донесение, в котором снова просил подкрепления в живой силе и продовольствии.

В ночь на 31 августа подсчитали свои силы. Много офицеров вышло из строя. Оставшихся можно было перечислить по пальцам: кроме Рухадзе и Киладзе – политрук Мачавариани, лейтенант Свинтрадзе, лейтенант Чимокадзе, лейтенант Нахушев и врач Швангирадзе. К этому времени из Чхалты прибыла девятая рота лейтенанта Арташеса Вартагяна, но она не подошла к батальону, а заняла оборону на левом фланге.

Очень серьезно был ранен разрывной пулей в левое плечо командир 8-й роты лейтенант Схиртладзе. И без того тяжелая обстановка осложнилась тем, что пошел сильный снег, началась вьюга и все сильнее крепчал мороз. Большие потери и превосходство в силах противника вынудили наше командование отдать приказ об отходе за Марухский перевал.

Получив задачу на выход из боя и оценив обстановку, комбат Рухадзе и комиссар Киладзе решили создать небольшие отряды.

В два часа ночи отряды один за другим начали переход по тропе через Марухский ледник. Защищать тропу в числе других остался отряд политрука 7-й

роты Таризла Мачавариани, который занял выгодную позицию у подножья Кара-Кая. Этот отряд героически выдержал натиск врага. Об этом уже позже узнали от связного Рогава, которого послал Мачавариани. С боями подошли к морене Марухского ледника. Для связи в отряд Мачавариани комбат послал бойцов Баратели и еще одного. Лишь на рассвете Баратели вернулся, а второй угодил в трещину и погиб. Он сообщил страшную весть: политрук Мачавариани замерз, семь его бойцов убиты, а остальные так обморожены, что уже не в состоянии были говорить.

Так отряд Мачавариани пожертвовал собой, чтобы дать возможность остальным отрядам выполнить боевую задачу.

2 сентября, преодолевая огромные трудности, батальон

подошел к Марухскому перевалу.

– На перевале, – вспоминает Рухадзе, – первыми встретили меня командир второго батальона капитан Татарашвили и комиссар батальона политрук Василенко. Бледный и болезненный вид был у Ладоса Татарашвили, хотя он пытался не унывать, шутил и даже смеялся. Он страдал от тропической малярии. Врач предложил ему уйти в медсанбат, но он наотрез отказался. Я посмотрел на него и почему-то вспомнил его родной город Мцхета и маленький домик, прилепившийся у самой дороги на Бебрисцixe. В эту минуту мне припомнился рассказ Ладоса о жене, которая ждала первенца. С трепетным волнением ждал

его и сам Ладос Татарашвили. Кто знает, может быть Ладос стал уже отцом и его можно было бы поздравить с этой великой человеческой радостью...

Такие мысли у Рухадзе промелькнули, словно сквозь сон, так как он был настолько измучен голодом и холодом, настолько устал, что просто не мог говорить.

Когда командир полка Телия и комиссар Арутюнов отогрели его, он доложил им о противнике и о результате боев.

Затем батальон был отведен в район Водопада на отдых, числясь в составе 810-го полка. В батальоне осталось около 80 человек.

Утром 4 сентября батальон занял боевые позиции по западному склону горы Марух-Баши.

1971

НЕЗАБВЕННЫЙ ЭРОСИ

■ Демико ПОЛАДЗЕ

В этом году исполняется 100 лет со дня рождения знаменитого, любимого многими поколениями актера театра и кино и не менее знаменитого спортивного комментатора Эроси Манджгаладзе.

К сожалению, мне не повезло познакомиться с этим великим человеком лично, хотя я много раз наслаждался спектаклями с его участием на сцене театра Руставели.

Уход народного любимца из жизни стал поистине национальным горем.

Я помню это и сейчас...

Это было 27 января 1982 года в 9 часов утра. Я вышел из автобуса перед театром Руставели. Там стояла толпа. Меня поразили потрясенные лица

всех людей, стоявших у театра. Несколько мгновений спустя я услышал шокирующую новость, в которую невозможно было поверить: «Вчера скончался Эроси Манджгаладзе».

Накануне вечером в театре давали «Ричарда III». Спектакль должен был начаться с минуты на минуту... Но ошеломленные актеры никак не могли поверить в то, что в три часа дня они все вместе были на похоронах художника Роберта Стура (отца нашего известного режиссера), а в семь часов вечера Эроси уже не стало.

Эроси больше не было. Трагическую новость объявили зрителям, и часть из них покинула театр. Остальные, казалось, растерялись и не уходили.

Как играли актеры в тот вечер? Кто помнит... Они пытались прийти в себя, понять, осознать постигшее их несчастье. Что случилось? От чего разорвалось сердце у здорового мужчины? Неужели нагрузки? Может быть. Ведь на протяжении многих лет он играл такие роли, как Эдип, Иван Грозный, Кент, Лопес, Брут... Играл в трагических и комедийных, главных и эпизодических ролях, снимался в кино и на телевидении, вел спортивные программы, работал диктором на радио (его называли «грузинским Левитаном»), был виртуозным мастером дубляжа... Нагрузки были поистине колоссальными. Но ведь это – такое важное и приятное доказательство того, что ты всем нужен. Ты востребован. Ты нарасхват.

Однако, к огорчению зрителей, Эроси в последние годы жизни все чаще отсутствовал в театре. По какой причине? Он и сам не хотел об этом говорить, и никому другому не позволял. Он не хотел слышать слов сочувствия, не говоря уже о жалости – не дай Бог!

Но о чем он думал, когда

Прощание с Эроси Манджгаладзе

оставался наедине с собой? Он пытался понять прошлое и настоящее.

Для нашего поколения Эроси Манджгаладзе, помимо того, что был великим творцом, оставался блестящим футбольным комментатором. Можно смело сказать, что его неповторимый голос сделал футбол доступным и понятным каждому.

В день прощания в театре было пролито много слез. Я никогда не видел таких убитых горем людей: Натела Урушадзе, Медея Чахава, Саломе Канчели, Гурам Сагарадзе, Рамаз

Чхиквадзе, Бадри Кобахидзе, Карло Саканделидзе, Джемал Гаганидзе... Плакали все – первые лица страны, стар и млад, плакали благодарные зрители.

Яков Трипольский шепотом повторял: «Неужели у нас больше нет Эроси?» Гоги Гегечкори горестно вопрошал: «Неужели эта статья и этот бархатный голос больше не будут жить на сцене Руставелевского театра? Неужели мы навсегда обречены тосковать по его удивительному теплу и улыбке?»

Он же был поразительным человеком. Всеми любимый. С огромной доброй душой. Великий друг молодых. Тот, кто приходил на выручку каждому...

...А когда пришло время выноса и последнего прощального слова, к микрофону в слезах подошел Эдишер Магалашвили, и его слова я никогда не забуду: «Мой Эроси, в этом зале тебя всегда награждали аплодисментами. Разрешите и сегодня в последний раз проводить тебя аплодисментами из боготворимого тобой театра».

Невозможно описать, что последовало за этими словами. Слезы и аплодисменты – и они не прекращались, не прекращались.

Подобное столпотворение на похоронах я видел только один раз – когда Тбилиси прощался с Галактионом Табидзе.

Эроси несли на руках от театра Руставели до Дидубийского пантеона...

Эроси Манджгаладзе был поистине народным артистом.

Он играл в футбол, и его игра была так прекрасна, что от него невозможно было оторвать взгляд. Сколько раз мы наслаждались его мастерством на стадионе «Динамо», когда артисты театра Руставели соревновались с марджановцами.

Более сорока лет Эроси Манджгаладзе не ступает по улицам своего любимого Тбилиси, не выходит на сцену своего любимого театра – театра, где его сердце было так незаслуженно разбито.

За эти сорок лет не проходило и дня, чтобы мы не вспомнили нашего Эроси Манджгаладзе – по тому или иному поводу.

Никто так и не смог заполнить пустоту, образовавшуюся после его смерти.

И сегодня, когда я захожу в Дидубийский пантеон, где обрели последний приют многие наши великие соотечественники, первым делом я кладу цветы на могилу человека, чьи грандиозные роли даровали нам второе дыхание в нашей любви к театру, и чьи незабываемые радиорепортажи побудили наше поколение полюбить этот выдающийся вид спорта – футбол.

СМЯТЕНЬЮ ВОПРЕКИ...

■ Паола УРУШАДЗЕ

ДНЕВНОЙ СЕАНС

...Не ты ли бег времени мерил когда-то
Воскресными днями и праздничной датой?
И что было мерить! Навечно дано,
А смерть это нечто – театр... кино!
Но стоило выйти из темного зала,
И все, что судьба наперед предсказала,
И то, что на завтра могло быть уроком,
Терялось. Бесследно. В мгновение ока.
Домой? Но зачем? Еще нет и пяти.
Поддакивал город: весь день впереди!
И можно неспешно брести под опекой
Фасадов и кровель минувшего века,
И птичьего грая в платановых кронах.
Шли мимо актеры в незримых коронах
И с ходу привет посылали поэтам...
Помедли, мгновенье! – кто думал об этом...
Все эти кумиры, кудесники, боги
И бронзовый пастырь в гомеровой тоге,
И плющ – водопадом, и люди – потоком,
И те, что тебя окликали из окон,
И лица знакомых в толпе быстротечной
Тебе говорили о жизни, о вечной...
А смерть и вся эта загробная темень
Входили в сюжет, как побочная тема –
Как нечто, подобное сумеркам в сказке
Для вящего света в счастливой развязке.

Так что же случилось? Что в мире стряслось?!
Еще до седых ты не дожил волос,
А время как будто с цепи сорвалось...
И что-то немое, без капельки плоти
Все чаще в знакомые двери колотит.
Все чаще на небе смыкаются шторы –
Уходят поэты, уходят актеры,
И гении места, и те, что далече,
А время проходит, а время не лечит...
Вы вровень идете, при этом попутно

Ты ход его меришь подробно – по будням...
Ты больше не вечен.
Порой на рассвете,
Когда тебя будят – то ливень, то ветер,
Вдруг диву даешься – целехонький, весь –
С руками,
Ногами –
Ты все еще здесь!

2013

Памяти Л.И. Яковлевой-Чхаидзе

Дождик короткий и дробный,
Добрый весенний холод,
Голубь со стоном утробным
Перышки гладит и холит.
А впереди – лето,
И я уже знаю заране –
Будет мне первым приветом
Покатая крыша марани,
Вторым будет дом с верандой
(Меня ожидают в среду!) –
Старушки Любовь и Миранда
Наколют орехов к обеду.
(Колоть будет тот же пестик –
Веками обкатанный камень).
Возникну, – застынут на месте.
Окликну, – всплеснут руками...

В прохладе и сумраке комнат,
Надев свои лучшие блузки,
О чем они только не вспомнят,
Мешая грузинский и русский.

2020

ИЗ КНИГИ «ТБИЛИСИ-ТИФЛИСЬ», 2002

Варианты ухода...
Покуда ты жив,
И еще ничего не узнал о душе ты,
Отчего не продумать их в праздной тиши –
Варианты ухода в бродячем сюжете...

А куда и о чем он – тебе невдомек...
И зачем он здесь бродит – в чужом ему веке?
Все давно уже названо,
Вспомни: Да – мокл...
Они всех обошли – эти древние греки...

Сколько б нам ни роптать,
Ни зывать к небесам,
Ни просить: поновее сюжетец подкиньте, –
Все сведется опять к тем же утлым весам,
К тем же нитям судеб и быку в лабиринте...

И не так уж и важно, как душу отдашь...
Да и лучше б не знать

Ни о ком, ни о чем бы...
Но откуда она – эта странная блажь –
Уходить вдруг в себя,
Как слепой – в катакомбы?

Уходить, как в гриппозный озноб, как в забой,
Как зимой уходили по уши в соболий
Воротник...
И беседовать тихо с собой,
И при этом не знать и гадать –
А с собой ли?

Кате

Будь начеку... Быть может сквозь века
За нами, как в комедии Шекспира,
Какие-нибудь три весельчака
Из смежного подглядывают мира....

И наши беды, страхи и позор
Для них ничто – безделица, потеха...
Как сквозь забор, сквозь временной зазор
Глядят на нас и давятся от смеха...

А значит, мир не так уж сер и плох...
Ты не грусти – возможно и такое..
И не пытайся их поймать врасплох,
В ладоши хлопни, сосчитай до трех
И наугад им помаши рукою.

1998

Когда весь день молчавшая душа
Вдруг отзовется тихим скрипом дверцы
И золотую пулю, не дыша,
Не целясь даже,
Влепит прямо в сердце,
И станет больно... значит, час настал:
Ты снова жив, ты больше не в обиде
За то, что нет ни кисти, ни холста, –
Одна душа, и ты ее не видел.
Ни разу, никогда... Зато какая тишь!
И не нужны ни клавиши, ни крылья,
Ты и без них летишь, летишь, летишь
Над пропастью, над небылью, над былью,
Над тем, что ты не видел никогда –
Летишь и поднимаешься все выше...
Тебя приветствуют чужие города,
Как котелки,
приподнимая крыши.

2020

ТИФЛИСЬ. АПТЕКА ОТТЕНА

Мари Тегюль

Та же старая аптека
Из Серебряного века...
Не отсюда ли мне вызов
Выслал с нарочным провизор?
Кто велел? Неужто Оттен?

Час назад он был бесплотен,
На фасаде даже имя
Ливень смысл неумолимо.
А сейчас... мороз по коже,
Неужели вправду ожил?
И все так же, как святыне,
Верен докторской латыни –
«Apotheca», «aqua vita...»
(Здесь она везде, и даже
На пороге и на чаше,
Как лозой, змеей обвитой).
За плечами склянки – свитой:
Зверобой, эфир, алтейя...
Время мчится, молодея.
На окне расцвел алоэ –
Долгих лет, ровесник века!
У него свое бывшее,
Свой фонарь, своя аптека
Где-то там – на старом Невском...
Поделиться бы, да не с кем –
Мир вокруг объят дремотой...
Все ушли... ушел и Оттен,
Отыграв свой выход с блеском.

2024

ВЕРЭ

Что же было, там, на Верэ,
И в земле под нами?
Кто крестами метил двери
По ночам годами?
По душе себе кого-то
Выбирал и метил.
Кем же был он – этот Кто-то?
Знали только дети.
Дети знали, да забыли,
Кто же их осудит –
При таком-то изобилье
Дат, имен и судеб!
Да и я забыла тоже,
Но на миг, на краткий
Вдруг проймут меня до дрожи
Новые догадки:
Может, тот, в халате рваном,
Что пилою шустрой
На заре пилил дрова нам,
Клялся Заратустрой?..
Тот, слепой, что стучал тростью
И со мной беседу
Заводил, взбираясь в гости
К верхнему соседу?..
Или та, что подарила
Палочку с черешней?..
А тем временем, как было,
С пылом тем же – прежним –
По ночам, на том же месте
Кто-то метит двери.
Мой не крест уже, а крестик
Тоже там... на Верэ.
Сдалека едва заметный
На дверях с табличкой медной...

2020

СТИХИ

(Вероятность)

Они ушли... Смятенью вопреки,
Прими, смирись, и этот день приветствуй,
Как выход в мир, в котором ни строки
Ты не должна
Ни городу, ни детству.
И если в тщетном ожиданье слов
О воле взмолятся, как узники острога,
Забытые мечты, обрывки старых снов,
Оставь их на потом, не дай себя растрогать.
Так будет лучше. Ты найдешь слова,
Которых уже нет на этом свете,
Иная их нашепчет синева,
И, как листву, иной нагонит ветер.

Слова, слова... Не береги. Раздай!
Не жди признанья. Мишура и глянец
Там не в чести. Как и любая мзда...
Но, может, безымянная звезда
К тебе за именем, когда-нибудь, заглянет.

2021

ИЗ СБОРНИКА «ТБИЛИССКИЙ ТАЙНИК», 2007

К ДЕТСТВУ

Ты просто играло,
Легко, как дышало,
Хотело – хватало,
Что плохо лежало
Или росло у других за оградой,
Не зная вопросов:
А стоит? А надо?

В буфетах, где пахло
Гвоздикой и перцем,
Ты вечно искало
Заветную дверцу
И тут же легко
Забывало об этом,
Как только вдали
Раздавалось: Обедать!

Ты просто играло –
Хватая и пряча,
Не зная зачем, –
Наугад, наудачу...
И все твои книжки,
И все их обложки,
И даже в плафонах
Погибшие мошки,
И золотом летним
Залитые щели
Расстаться с тобой
Ни за что не хотели.

Ты просто играло, хмелея от пыли,
В забытых подвалах томящейся были...
А время (не то, что имелось навалом,
А то, что давно, навсегда миновало)
Поило тебя своим вечным настоем
И тоже не знало: А надо? А стоит?

Для взрослых убогое это наследство
В себя ты вбирало, не ведая, Детство...
Ты просто играло,
Ты просто играло
И что-то всегда на ходу подбирало,
Не зная еще о грядущем доходе
С игры под названьем: « Душа на охоте»...

ВЕТКА В ОКНЕ

Ветер веткой по воздуху водит и водит,
Ветер веткой еловой выводит слова:
«Скоро зимняя стынь» или что-нибудь вроде:
«Дворник ночью черешню срубил на дрова?»
Так о чем же он пишет... Послание? Очерк?
Крик души о нехватке тех фетровых шляп,
Что так лихо срывал он, особенно ночью –
Между прочим, шутя, с наших дедов и пап?
Новогодний рассказ? Путевые заметки?
Только как угадать, коль слова не видны?
Дождь бы их проявил. К сожалению, редко
Посещает он город в январские дни.
Мы гадаем, а ветер все пишет и пишет...
Может, вся эта вязь из невидимых слов
Для того, чтобы где-то,

в местечке повыше,
Задыхаясь, читать ее розе ветров?..
Правду знает лишь ветка, однако секретом
Не захочет делиться (и будет права) –
Ей одной только выпадет – солнцем согретой –
Среди прочих чудес вспоминать и об этом:
Как зимой они с ветром играли в слова.

2022

МГНОВЕНИЕ

С неких пор открылось мне:
У мгновения на дне
Посошком – на старость –
От моих весенних дней
Кое-что осталось...

Как бывшее наверстать?
Как слова найти подстать?
Способ есть – он мне не раз
От забвенья детство спас...

Стану я на все лады
Выкликать из темноты
Окна, улочки, сады,
В море канувший закат...
Без прицела, наугад, –
Я ведь знаю наперед –
Что-то с чем-то совпадет,
И мгновенье мигом мне
Знак подаст свечой в окне,
И начнет свистать наверх,
Без разбору – слезы, смех,
Лепестков апрельских вихрь,
Гром из тучи дождевой...
Будет, будет из чего
Мне кропать последний стих.

2024

Я ОТПЛАЧУ ТЕБЕ ДОБРОМ

■ **Михаил СИНЕЛЬНИКОВ**

После третьего стакана
Кахетинского вина
Средь блаженного тумана
Запеваешь вполпьяна.

И четвертый будет кстати,
И настолько он хорош,
Что забудешь об утрате,
Воздух юности вдохнешь.

Выше счастья и печали,
Быстролетны и легки,
Вот уж всюду запорхали
Золотые мотыльки.

Или огненная стая
Чьих-то душ из давних дней,
Над живой душой витая,
Захмелела вместе с ней?

МЕСТЬ ДОБРОМ

Х. Берулава

Здесь ангел Нового Завета
Весь край накрыл своим крылом...
Ты причинил мне зло, за это
Я отплачу тебе добром!

Нанес мне жгучую обиду...
Нет, не прибегну я к ножу,
Но мщу, не подавая виду,
И слово доброе скажу.

Ну, да, прощают зло порою,
Но слаще отомстить врагу:
Ты сжег мой дом, я твой отстрою,
Подняться детям помогу.

Вот, обнищав, проходишь мимо...
Мой хлеб отныне будешь есть!
И ты поймешь – неумолима,
Неотвратима эта месть.

Благодеяний вереница
Тебя нагонит, и тогда
Тебе от них не уклониться,
Живи, сгорая от стыда!

Души кахетинской мятежность,
Мечтательность эта, но к ней
Армянская грубая нежность
Пришла из глубоких корней.

А бабка была генуэзка,
Певица, осевшая здесь.
Сопрано так страстно и резко
Вливалось в тифлисскую смесь.

В своем величии двурогом
Осилив и Евфрат, и Нил,
Царь македонян, ставший богом,
Своих сподвижников казнил.

Инд переплыв, грозивший Гангу,
Но, возвратившись в Вавилон,
Решил усталую фалангу
Сменить на юных персов он...

Провидя к власти путь неблизкий,
Решив, что должен быть жесток,
Читал семинарист тифлисский
Тома Плутарха – брал урок.

ВЕРХНЯЯ ХЕВСУРЕТИЯ

Вернуться ль путем небывалым
В расселину между мирами,
Туда, где прикованный к скалам
Страдал Прометей-Амирани?

Цвели эдельвейсы на кручах,
И ржавые цепи свисали.
В разрывах туманов текущих
Виднелись дороги спирали.

Пролег по высотам Кавказа
Путь демонов и скалолазов.
Ночами текли многоглазо
Над Грузией груды алмазов.

Страна под громадной Селеной,
Богиней охотников Дали,
Казалась особой вселенной,
Земных в ней властей не видали.

В ущелье дарят бурку
И наливают эль,
И девочку-хевсурку
Кладут тебе в постель.

Смеющиеся лица
Благословляют дочь.
Пытаясь отстраниться,

Ты выбегаешь в ночь.

И длится гул... О ком он
Гласит в годах былых?
В нем горных духов гомон
И говор водяных.

И входят в сон оттуда
Разгневанная речь,
Напиток Робин Гуда
И крестоносца меч.

АДЖАРИЯ

Цветущий берег мечтой овевая,
Она трепещет во тьме и блеске.
Звучит часами в тиши кофеен
Учтивый говор полу-турецкий.

Вдруг пляска с саблями в звонком лязге
И длятся возгласы беспрестанно,
А та, что зыблется в гневной пляске,
Войти могла бы в гарем султана.

Константинополь не столь далеко,
Но долго не было греков этих.
Там полумесяцы в честь Пророка
Горят и светятся на мечетях.

Вот весть приходит с морской травой.
Вновь голос жалобный в буйном хоре
И песнопение хоровое
О мореходах, ушедших в море.

На их пирах молчанье прикрывало
Воспоминанья о лихой поре
Допросов и расстрельного подвала,
Ночного страха, стука на заре.

А ведь никто не миновал купели,
Сатрапы тоже были крещены.
Как пили там за каждого, как пели
О прошлом виноградарской страны!

Когда звучали песни о бывалом,
Многоголосье становилось вдруг
Речным теченьем, черноморским валом
И флагами разбойничьих фелук.

Швыряло море штормовые глыбы.
Он мимо шел и бормотал свое,
Но жалобы его и диатрибы
Глушила буря – не забыть ее!

Так день за днем он брел и брел без цели,
О новой жизни бредя на ходу.
А волны все шумели и шумели,
Соблазнов предлагая череду.

Все эти похоженья между делом,
Попробуй, оправдай и обусловь!

... Лет через семь, как мстительница в белом,
Пришла Любовь.

В том городе припоминанья ранят.
Дорога пролегла,
Оглянешься, и вдруг виденье прянет
Из-за угла.

И все-таки ты вновь по доброй воле
Готов лететь туда.
И это всякий раз прикосновение боли,
Ожог стыда.

Еще уйдешь от всех и убежишь от сборищ
В иные времена,
И горяча печаль, и сердца горечь
Душе нужна.

Долина, где жили циклопы,
Пасли табуны и стада,
Гигантов постройки и тропы
Мерещатся мне иногда.

Сменяются трав поколенья,
Листвы опадает багрец,
И спасшийся средь выселенья
В пещере таится беглец.

Не знает, что ссыльных вернули,
Что больше не ищут его.
Лишь эхо охотничьей пули
В душе отдается мертво.

... Уже у Аида на грани
Дается мне памяти груз –
Вошли в нее выстрел в тумане
И призрачно-белый Эльбрус.

ЧОРОХ

Свергаясь с гор, грохочет Чорох,
Несет в Аджарию свою
Камней турецких звонкий ворох
И гонит черную струю.

Исток и устье не помирим,
Но память детства дорога...
Вот мост, построенный визирем,
Великолепная дуга!

Ведь чудились в дворцах Стамбула,
В кругу семьи, среди вельмож,
Тревожный зов, родного гула,
Реки восторженная дрожь.

Пора, устав от несвободы,
В родные воротясь места,
На утекающие годы
Глядеть с высокого моста.

«ЛИЦА НЕОБЩИМ ВЫРАЖЕНИЕМ...»

■ Елена ЗИНОВЬЕВА

Большую часть сборника «Красные листья Гомбори» занимают избранные переводы Михаила Синельникова произведений грузинских поэтов, в основном работавших в прошлом веке. Многие из них стали классиками грузинской литературы. Всего представлено более четырех десятков авторов, среди которых – И. Чавчавадзе, Г. Табидзе, К. Надирадзе, Г. Леонидзе, К. Каладзе, И. Абашидзе и многие другие. Их стихи проникнуты любовью к своей стране, к ее природе, истории, преданиям, к собственному народу. Поэтически воссоздавая во всем их щедром многообразии пейзажи родной страны, поэты всегда конкретны, привязаны к определенной местности: Кахети, Колхети, Месхети, используют топонимы как значимые метафоры: Сванские башни, горы Гурии, карталинская дорога, квишхетские липы. Посещение древнего города хеттов в Анкаре дарит радость припоминания: Хети, Колхети, Месхети... Грузинская поэзия – это и богатство образов: античных, библейских – ветхозаветных и евангельских, навеянных национальной мифологией. Это и свободное владение западноевропейским и русским культурным наследием: органично входят в тексты поэтов песнь Одиссея, Данте, Джоконда, праздник Офелии, Шекспир, Пушкин, письмо А. Ахматовой, могила Б. Пастернака.

М. Синельников – не только переводчик таджикской, персидской, грузинской, армянской поэзии, которая благодаря ему на русском языке созвучна подлинникам, но и великолепный поэт с «лица необщим выраженьем». Уже его первые стихи начала 1970-х годов отметили известные литераторы: В. Каверин, А. Тарковский, М. Зенкевич, Б. Слуцкий. В. Каверин, в частности, выделил такие

основные черты поэтического языка молодого поэта: «Стихи его отличаются богатой и подчас неожиданной образностью, заботой о мелодичности, широтой кругозора...» В 1970 году поэт А. Межиров вовлек еще довольно молодого человека в грузинские переводы. В 1971 году Синельников впервые приехал в Тбилиси. «Впечатления были потрясающие. Я бы сказал, что застал вечер Тбилиси. Но это была еще не глухая ночь. Я видел там удивительных людей, удивительных писателей. Я застал закат. Но роскошный». Грузинские мотивы прочно вошли в творчество поэта. Стихи о Грузии появлялись в каждой из его стихотворных книг, здесь они собраны воедино. В них Грузия явлена во всей ее красе, с ее самобытной и пышной природой, с колоритным бытом ее жителей:

Грузинских пиршеств
пенье хоровое
Гремит до помрачения ума.
Ревет шашлык, спешащий
с водопою,
А на холмах блуждает
хашлама.

Томится скот,
утапывая травы,
И на губах баранов и коров
Цветут и вянут
пряные приправы
Беспечных песен,
будущих пиров.
(«Пир», 1975).

Там в топочущий бешеный круг соединялись танцоры, исполнявшие грузинский танец хоруми; там каждое вино – кинзмараули, хванчкара, саперави, мукузани – имело свой неповторимый вкус и назначение. Там – «весь чин старогрузинского уклада, / Ночь, красноречье, чар вина и чада. / Рог буйвола в черном серебре». «Хоры, танцоры, горластые дети...» И «как при кесарях, как при эми-

ре, / при царице Тамаре, при Берии ночью и днем / все рождается хлеб и колеблется пламя в тандыре». В стихах Синельникова, как и у грузинских поэтов, Грузия многообразна: ветры в долине Риони, древние скалы Архоти, усыпанный красными листьями перевал Гомбори из Картли в Кахетию, Верхняя Хевсуретия, где эль и меч крестоносцев – естественная часть быта. Особой любовью поэта стал Тбилиси, фиолетовый в сумраках и розоватый на заре, его узкие улочки, тысячелетняя обжитость деревьев и домов, город ночных арестов и пиров. Тень Берии не раз появится в стихах. В этом городе поэту знаком каждый закоулок и дом, там «все читали стихи, все писали стихи, а потом / началось избавление от ига российского слова».

Но только не стало поэтов
И музыки в каждом дворе.
Нет живописцев отменных,
Видевших жгучие сны...
Вялое солнце на стенах
И голоса тишины.
Шорох столетий отцветших...
Ни франтоватых зевая,
Ни городских сумасшедших,
Знавших, что будет вот так.
(2014)

Что ж: «Не выжил мир, в котором все мы жили, / рассыпался и разбежался круг» (1996). Красочный мир Грузии, ее насыщенная звуками, красками, запахами аура живет в стихах поэта.

Заключительная часть книги – мемуарные новеллы, где поэт повествует о переплетении судеб грузинских поэтов и русских гостей Грузии, которым она всегда дарила ощущение своего вечно праздничного быта и свободы. В основе очерков – лично пережитое или известное из уст надежных свидетелей миновавшего столетия. Очерк «Хозяин и гость» – это объемное предисловие, написанное Синельниковым когда-то к книге «Зов Алазани. Шедевры грузинской поэзии в переводах русских поэтов». Фактически очень живая, неформальная история русско-грузинских литературных, в первую очередь поэтических, связей и влияний,

личных и творческих, начало которым было положено еще в XIX веке Пушкиным и Лермонтовым. Расцвет пришелся на семь десятилетий XX века. Созвездие имен, цвет грузинской и русской литературы, тесное общение и совместная работа классиков двух литератур, вдохновлявших друг друга. Честь открытия грузинской лирики с Б. Пастернаком принадлежит Н. Тихонову. Эпохой в мире грузинских переводов стали грандиозные творения Н. Заболоцкого. Синельников размышляет о встречном влиянии поэзии на поэзию, об энергетическом воздействии переводимого поэта на поэта переводящего. О том, как для переводчика чужеземный воздух вдруг становится родным. О взаимном влиянии культур, обогащающем обе стороны.

Сам Синельников принял участие в переводческой работе уже на позднем этапе, когда это дело одряхлело и выдохлось. «Содружество поэзий и братство поэтов все откровенней сменялось поденщиной, бесперебойным конвейером имперской полиграфии. А ведь Пастернак, Тихонов и Заболоцкий дружески общались с Тицианом Табидзе, Леонидзе, Чиковани, пили с ними «кахетинское густое» и не нуждались в посреднических чиновниках».

«За Архотским перевалом» – это воспоминания о том, как летом 1974 года большая компания московских литераторов, собравшихся в Тбилиси, двинулась в Хевсуретию, в вольные хевсурские горы, где все дышало подлинностью, невыдуманными подробностями эпоса. В постскрипуме – комичная история о том, как В. Шкловского, уже видного в то время литератора, местные охотники приняли за горного дэва, и что из этого вышло. Героями других очерков являются К. Надирадзе, рассказывающий об Андрее Белом и его жене, Б. Пастернак, поэт и крупный грузинский функционер И. Абашидзе, А. Тарковский как переводчик стихов Сталина, и чародей С. Параджанов, одинокий даже в многолюдье.

«Нева», 2024, №12

Хевсурети

Павел Флоренский с братом Александром

«РОДНОЙ МНЕ, ОТНЯТЫЙ КАВКАЗ»

Павел Флоренский в Грузии

■ Нинель МЕЛКАДЗЕ

*Своей отчизны вновь лишась,
(Родной мне, отнятый Кавказ
Привык я родиной считать),
С ним потерял семью и мать.
Увы! Теперь далек, далек
Мой дальнезападный Восток!..*

П.А. Флоренский

Продолжение

ДЕТСТВО В ТИФЛИСЕ И В БАТУМЕ

Всякое исследование и теория, считал П.А. Флоренский, непрестанно питаются из «чуждых рациональности интуиций детства». Ни один шаг в науке

и искусстве не будет плодотворным без возвращения в вечно живое детство, в «объективное восприятие мира». Потому закономерен интерес к миру детства самого отца Павла, к факторам формирования его интеллекта.

Из дневниковых записей Павла Флоренского: «1916. XI.18. Сергиев Посад. Ночь. От жизни в Тифлисе у меня остались хотя и очень отчетливые, но разрозненные впечатления. А т.к. первые детские впечатления определяют дальнейшую внутреннюю жизнь, то я попытаюсь записать возможно точнее все, что я могу припомнить из впечатлений того времени... Прогулки с папой. Мне было два – два с половиной года. ... Отец часто брал меня с собою на прогулки, в город, и, конечно, всегда они заканчивались какими-нибудь занимательными для меня покупками, то сладостей, то игрушек. Мы жили высоко, на половине Давидовской горы. Подъем туда и сейчас был бы не очень легким в тифлискую жару; тогда же я, едва ходивший, от жары размаривался и раскисал. По Головинскому и Дворцовой я ходил с папой, а возвращался домой уже у него на руках или сидя на плече: папа любил носить нас, маленьких, именно на плече... В этих прогулках мне открылась еще таинственная и уже определенно враждебная сила природы. Было ли папе очень трудно вносить меня на Давидовский подъем, я не знаю. Но у меня осталось за эти ношения на плече к нему наиболее благодарное чувство как к избавителю от враждебного и злого Солнца-Губителя... Тогда единство сына и отца, в моем сознании, было безусловным, и самый отец был для меня безусловным отцом, а я – его безусловным сыном».

Такого чувства близости и нераздельности существования, какое было к отцу, у П. Флоренского никогда не было в отношении к матери: «С самого начала у меня не было той привязанности к матери, которая бывает у всякого ребенка, – привязанности сыновней». Он писал: «В матери я любил Природу или в Природе – Мать». «Мать – величие, недоступность, сидит в своей комнате с маленькими, как царица в улье. К ней нельзя то потому, то по-другому – кормит, одевает и т.д. Я ее почти не вижу, но слышу ее чистый голос: она поет, и дом наполнен свежими звуками ее пения. Она

сдержанна, умышленно холодновата, даже не любит, когда мы часто лезем целоваться. Но в болезнь нашу изливается ее любовь и жалость, тогда она не сдерживает себя и ласкает гораздо горячее и папы, и тети». «Этому впечатлению от матери — как от Матери-Природы — способствовал и культ, которым отец мой, и по движению чувства, и по сознательному убеждению чтил мою мать, полагая, что жена-женщина вообще есть существо особое, а его жена — и трижды особое, что, впрочем, было, вероятно, не несправедливо».

Тетя Юля, сестра папы, напротив, представляла обратный полюс его детской жизни. Он любил ее со всем цельным чувством ребенка. Она была ему и другом, и товарищем, и учителем; с ней он делился своими горестями и радостями; от нее получал выговоры и наказания (хотя таковых бывало очень мало), вообще все человеческое было у нее. Она не подавляла его «своей отрешенностью от мелочей жизни; с нею можно было поболтать о нарядных платьях, кружевах, бантиках и шляпах, до чего я был большой охотник; с нею можно было собирать цветы и делать букеты; вообще с нею можно было жить. Около матери же «была атмосфера, требовавшая поклонения, а не жизни».

ТИФЛИССКОЕ ДЕТСТВО. МИСТИЧЕСКИЕ ПЕРЕЖИВАНИЯ

В Тифлисе семья жила в двух квартирах. В одной помещалась столовая, гостиная и спальни. В другой, т.е. во флигеле, жил Павел с тетей Юлей. Сообщение между двумя помещениями было через двор, мощный камнями, сквозь которые прорастала трава. И вот на каменной мостовой двора он увидел таинственный искрометный снаряд: что-то в нем быстро вертелось, визжало, скрипело, и от колеса сыпались яркие искры, и какой-то человек стоял при этом снаряде и что-то держал в руках... Ему показалось, что это не человек, а дух зем-

ли, и панический ужас охватил его. Почти прыжком очутился он снова в столовой и на коленях у кого-то из старших дал волю овладевшему им ужасу. Его успокаивали: «Ведь это точильщик точит ножи, Павлик. Пойдем, посмотрим». Он никого не слушал, но и не спорил со старшими, понимая, что они не постигнут таинства, которое открылось ему и ужаснуло его. Это чувство откровения тайн природы и ужаса, с ним связанного, тютчевской «бездны» и влечения к ней было и есть, как считал Флоренский, одной из составляющих его душевной жизни.

Другой случай, тоже относящийся к мистическому восприятию природы, с ее страшными охранительными стражами связан с виноградом. Из имения привезли много отличного винограда. Ему дали слегка попробовать его, но больше дать побоялись. А чтобы он не просил, папа нарисовал синим и красным карандашом на большом листе обезьяну и, поставив за виноградом, сказал, что обезьяна не позволяет ему брать виноград. Зная, что обезьяна эта нарисованная, Павлуша умоляюще протягивал к ней руку и просил: «Базана, дай мне лангату», т.е.: «Обезьяна, дай мне виноград». Груда зрелого винограда, золотисто-зеленая, полупрозрачная, словно флюоресцирующая в луче солнца, представлялась ему живым образом неиссякаемого, сладостного изобилия природы. И запрет, который, как он отчетливо понимал тогда, стоит безусловным стражем этого восхитительного изобилия, против которого не может быть возражений, на который некому жаловаться, который выше даже внутреннего обсуждения. Тогда-то он и усвоил себе основную мысль позднейшего своего мировоззрения, что в имени — именуемое, в символе — символизируемое, в изображении — реальность изображенного, и потому символ есть символизируемое. Это-то символизируемое, эта охраняющая сила Природы стояла пред ним в рисунке его отца. И он, пред непреодолимым, безропотно смирялся. Впоследствии, писал Флоренский,

«когда я видел картины Сомова, где то же превышемерное, ломающее ветви, количество винограда в огромных, тяжелых зеленовато-желтых кистях, я полусознательно вспоминал это свое детское впечатление Природы как Артемиды Эфесской, как Матери Изобилия; и, не имеющийся у Сомова, запрет мгновенно вставал в душе. Много, бесконечно много... но не для меня; мне касаться до этого «не позволяет обезьяна».

С самого раннего детства его приучали, что вслед за шалостью неминуемо последует наказание — не потому, что так хотят старшие, а по существу вещей. Но при таком сознании трудно часто шалить. Имея в душе большой запас резвости, он с детства был скован сознанием, что он не один и что есть Правда над ним. А шалить можно, именно забывая обо всех и обо всем, в упоении своим внутренним движением... И то, что стало впоследствии «не стоит» (не стоит бороться, не стоит полемизировать, не стоит даже спорить), тогда было задержкой шалостей.

БАТУМСКОЕ ДЕТСТВО

Батумскому детству посвящены целые страницы воспоминаний о. Павла: «Свои детские и отроческие годы я провел в постоянном и ненасытном, и никогда ненасытимом, созерцании моря... я помню свои

Павел с тетей Юлией Флоренской

Духан по пути в Ахалцих через Аджарию.
Фото П. Флоренского. 1899

детские впечатления и не ошибаюсь в них: на берегу моря я чувствовал себя лицом к лицу пред родимой, одинокой, таинственной и бесконечной Вечностью, из которой все течет и в которую все возвращается. Она звала меня, и я был с нею... Я любил море за его тайну. Была внутренняя близость между ним и мною».

Каждое утро летом в Батуми вместе со своей сестрой Люсей Павел отправлялся на море, где они по целому дню возились в мелком гравии у воды в поисках драгоценностей. Но самые счастливые дни были после штормов, когда можно было копаться в выброшенных на берег водорослях и находить в их таинственном зеленом ковре мелких серебристых рыбешек и раковины. «Тогда радости не было конца, — писал в воспоминаниях Флоренский, — я переполнялся волнением, сердце билось так, что, казалось, готово выскочить». Сравнивая южное и северное моря, он писал: «Оглядывая теперь вспять свое детство, я вижу исключительную бедность батумского берега выбросами и отменную ничтожность наших находок; кроме камешков, действительно приятных, мы не находили ничего ценного и занятного. Но тогда эти находки

радовали бесконечно, хотя я и был избалованным ребенком, радовали, как дары великого синего моря, лично мне дары, знаки внимания, доверия и покровительства». «1916.IX.20. Сергиев Посад. Таинственные наложения сердоликов и агатов, их тончайшая слоистая структура поражали мысль: я чувствовал тут какой-то сокровенный смысл природы, и, казалось, вот-вот он раскроется, объявится тайна. Иногда ходили на море с папой. Папа объяснял по поводу наших находок, что эти слои образовались от вековых осадений в подземных скважинах и пещерах. А я видел в этих слоях осевшие века, окаменелое время. Впоследствии, едва ли не поэтому из детского нежного чувства к слоистости, я увлекся геологией — именно слоистыми образованиями, и приходил в дрожь и холодный восторг при виде четких геологических пластов. Но я помню свои детские впечатления и не ошибаюсь в них: на берегу моря я чувствовал себя лицом к лицу пред родимой, одинокой, таинственной и бесконечной Вечностью — из которой все течет и в которую все возвращается. Впоследствии, когда я услышал знаменитые ростовские звоны, где сплетаются, накладываясь друг на друга, ритмы, все бо-

лее частые, мне опять вспомнилось ритмическое построение морского прибоя и фуги Баха, исконные ритмы моей души. Таинственная, бесконечная поверхность моря бесконечна и по содержанию своему, по своему звуку, как бесконечна она и по зернистости, тончайшей зернистости своего свечения. Ропот моря — оркестр бесконечного множества инструментов. Есть один звук, родственный ему по содержательности и тоже возникающий в рождающих недрах бытия. Это — узор нагоняющих и перегоняющих друг друга ритмов, когда падают капли — тоже капли — в пещерах, где сочится со сводов и стен вода. И там — в ритмах — слышны еще и еще ритмы, и тоже до бесконечности. Они бьются, как бесчисленные маятники, устанавливающие время всей мировой жизни, разные времена и разные пульсы бесчисленных живых существ. И, когда войдешь в мастерскую часовщика, то там опять слышен похожий шум от множества маятников, тоже родимый, тоже напоминающий земные недра и глубь морскую».

БЛАГОВОНИЕ ФИАЛКИ И ВИНОГРАДНОЙ ЛОЗЫ

В письмах к жене он рассказывал о том, что с детства страстно любил растения, разговаривал с ними и жил как с близкими друзьями, что в нем всегда жила тайная мысль, когда-нибудь обратиться к растениям и пожить с ними тесно, как в детстве. «Вообще, с тех пор, как помню себя, т. е. чуть не с 1 года, я привык возиться с душистыми лекарственными веществами, с ядовитыми растениями, с различными химическими соединениями, и удивительно, как со мною ни разу не случилось какой-либо беды, несмотря на опасность моих опытов. Вероятно, это объясняется большой привычкой с детства обращаться со всякими веществами и моею осторожностью». Эта любовь к растениям воспитывалась в нем отцом. В Батуми о наступлении весны семья Флоренских узнавала по

фиалкам и цикламенам и старалась не пропустить первого появления этих цветов. А.И. Флоренский объявлял: «Фиалки и цикламены распустились». И вместе с сестрой Юлей и детьми ехал в Аджарис-Цхали. Павел восхищался фиалками: «...с их теплым благоуханием, с их бездонным пурпуровым бархатом венчиков, оттеняемым золотисто-оранжевыми тычинками, и с тончайшими темно-пурпурными прожилками лепестков. От папы я знал, что не удастся искусственно составить эфирное масло фиалки (это удалось значительно позже), как не удастся извлечь его из самих фиалок. Цвет их – подлинный цвет – древнего священного пурпура. И вместе с тем эти священные глаза природы, царственные и благоуханные, прячутся, издали лишь объявляя себя нежным запахом. Есть только один запах, родственник этому, хотя несколько грубее, а также – сильнее. Я волновался им, долго не был в состоянии себе уяснить, почему вдруг так пахнет иногда, явно, что издали, фиалковыми лугами. Расспрашивал, и никто не давал ответа. Наконец, нашел сам источник

Сад при доме Флоренских в Тифлисе

этого благоухания в цветочках, еще более скромных и видом, и цветом: благоухала распускающаяся виноградная лоза с высоких деревьев. Потом детством пахло мне уже в Академии со страниц Библии, когда самым признаком весны в Песне Песней указывается: «И виноградная лоза, распускаясь, издает благоухание. Так и весна моей жизни была провеяна для меня этим благовонием фиалки и виноградной лозы».

Это благовоние батумской весны навсегда было впитано о. Павлом и нашло отражение в его лирической поэме «Оро»: *Букс, лавровишня на дворе
Растут пред домом. В январе
Фиалок слышен аромат,
Ковром поросших*

*горный скат.
Вслед зацветает цикламен,
Галантема, миндаль... Но*

*в плен
Попал... О, мой Батум,
Предмет всегдашних*

горьких дум!
Цветочное царство в целом П. Флоренский любил до самозабвения и верил, что цветы любят его, цветут именно для него и что его невниманье к их красоте было бы оскорблением их горячему к нему чувству. Природа скрывает себя от людей; но ему – любимцу, ему одному посылает свои знамения: «Молодые животные, некоторые птички, малые ящерицы с прекрасными карими глазами, иногда маленькие зеленые лягушата, ну, и конечно, многие цветы так общались со мною. Минералы, различные природные явления в особенности многие цвета, запахи и вкусы были пронизаны глубинной энергией природы несравненно более животных и птиц, даже цветов, но в них эта напряженная и kloкочущая мощь немотствовала, лишённая органа выражения. Она набухала, стремясь ко мне, как и во мне набухала по направлению к ней, но между нами всегда оставался прозрачный слой тонкой, но непробиваемой изоляции, и стремление к мистическому разряду никогда не удовлетворялось до конца. Всегда я чувствовал себя несатым своим зеленым цветом, своими искрами, своим запахом

и шумом моря. У меня всегда было определенное ощущение, что подлинно знаменательное скромно и прячется, тогда как в откровенной красоте великолепных магнолий, роз, тюльпанов и т.д. есть что-то такое, от чего приходится конфузиться за них. И я предпочитал фиалку, скромный, хотя и священно пурпурный цветок, спрятавшийся под кустами среди собственной зелени, опять-таки скромную и малодоступную незабудку. Верхом же привлекательности был, почти мифически, в моем сознании, ландыш, который я знал больше из рассказов тети Юли и рисунков и позже – по садовым его экземплярам. Моею мечтою было найти растение в цвету; но в окрестностях Батума цветение ландыша происходит, вероятно, так рано, что мои поиски никогда не достигали цели».

Ни одно место не оставило в нем столько теплых воспоминаний, как Батуми, старый Батуми 80-х годов, когда он был еще неустроенным и жалким. «Теперешний Батуми, под Ниццу, уже потерял свой аромат и своеобразие, да и море далеко ушло от бульвара <...> Ясно помню, до полной отчетливости, как папа насаждал сад в Аджарисхали при инженерной сторожке. Помню ковры фиалок и цикламенов, которые я собирал до изнеможения. Помню запах папоротников, мне всегда очень нравившийся. Помню громадные букеты азалий и рододендронов, которые мы вставляли вместо фонарей в фонарные гнезда фазтона. Помню болотные незабудки, которые брались с корнями, а потом раскладывались дома на блюдах с водою. Лет шесть тому назад я был в Аджарисхали и почти не узнал его. Это обстроенный поселок, в котором очень мало поэзии».

ЭТНИЧЕСКИ МНОГООБРАЗНЫЙ БАТУМИ

«Часто вспоминаю всех вас и, вероятно по старости или по особенностям пейзажа, свое детство, но не тифлисское, а батумское. К тому же встречаюсь часто с разными кавказца-

Елизавета Кониашвили (урожденная Флоренская), Кирилл Флоренский, Павел Флоренский, Ольга и Георгий Кониашвили. Тифлис

ми всех мастей и национальностей, так что и они наводят на мысли о Кавказе» (из письма Павла Флоренского матери с Соловков). В его воспоминаниях оживает батумская пристань, где можно было видеть людей самых различных национальностей и даже негров, колония которых расположилась невдалеке от Батума. Все — и одежда, и запахи, и звуки, и цвета — поддерживало одно другое, возбуждая чувство таинственного. Отец Флоренского любил и считал полезным устраивать детям целодневные прогулки по окрестностям Батума. Наиболее любимым и наиболее часто посещаемым местом таких прогулок была первая станция строившейся им Батумо-Ахалцхской шоссейной дороги — Аджарис-Цхали. Дорога шла сперва неподалеку от плоского и пустынного морского берега. Этот трехкилометровый кусочек земли не был лишен занимательности для детей: невдалеке от дороги виднелись хижины, крытые сухими кукурузными стеблями, и из тех же стеблей на деревьях целые стогой округлой формы, словно гнезда исполинских ос. Эти хижины и эти скирды кукурузы принадлежали негрской колонии, расположившейся около Батума. К их общему удовольствию, рослый негр, почти великан, или женщина-негритянка с младенцем у черной груди и другим негри-

тенком, цепляющимся за руку или за подол, с любопытством останутся возле их фазтона. В них Павлу чувствовалась крохотность богатырей и открытость в природу, которая впоследствии стала мучительно искаться им.

У ПРЕДДВЕРИЯ КОЛХИДЫ

Отец уговорил Павла остаться в Кутаиси и поехать с ним в Поти: «Бедный папа скучал один, но не решался просто высказать свое желание и от избытка деликатности только давал его почувствовать. Так попал я в первый раз в своей жизни в Поти, снова проделав по дороге все то, что мне так нравилось в раннем детстве: на станции Самтредия, название которой в детстве казалось мне чем-то французским — Santredit, были куплены неизменные вареные раки, на станции Рион — грозди винограда изабелла, связанные в длинные гирлянды, и еще где-то — тоже неизменные на этой станции низанные на нитку каштаны, отваренные в соленой воде. ... Папа приехал в Поти для совещания о работах по проложению нового русла реки Риона в области его устья. В этой местности легко осаждаются не только минеральные частицы, но и замирающая жизнь народов. Кого только не перебивало здесь, у преддверия Колхиды! Египтяне-колхи, дав-

шие самое имя местности, при Сезострисе образовали здесь свою колонию из части войска; до сих пор они сохраняют древнее название и некоторые обычаи Египта, например, обрезание. Тут были затем неоднократные притоки разных греческих народов, и самое название Палеостом свидетельствует об эллинах. Затем римские походы и многочисленные остатки римских укреплений и мостов. В частности, название реки Молтаквы, впадающей у устья Капарчи, достаточно прозрачно говорит о римлянах: Молтаква есть испорченное *Multa aqua* — многоводная, большая вода. Далее идут остатки венецианцев, затем — турок, грузин, и, наконец, последнее наслоение — русской культуры. Находясь здесь, чувствуешь себя перелистывающим летопись, из каждой страницы поднимаются свои испарения, а прошлое представляется живее, и ближе, и несравненно полновеснее настоящего. Тут принудительность и властность физического мировоззрения и вообще всей новой культуры сама собою бледнеет, а встает и наливается жизнью иная культура и иная, общечеловеческая реальность. Это было в середине лета. Несмотря на вечернюю пору, потийский воздух напоминал парное отделение бани. Жалкие улицы были пустынные, но зато из многочисленных, вечно стоящих тут луж раздавались концерты лягушек. Самое замечательное, что увидел я, — это огромные магнолии, в несколькоэтажные дома; блестящие крупные листья и еще более крупные цветы архаически простого сложения, вообще весь стиль дерева, изысканно простого, будят чувства полузабытых первобытных времен и открытой тайны природы. Эти белые цветы держались на ветвях, как курильницы, и дерево представляется священным, но из культа какой-то иной, более древней расы. С детства мне особенно нравились в нем стебли, светлорыжие и шерстистые, как рога оленей, но гораздо более четкие» (П. Флоренский. Детям моим. Воспоминания прошлых лет).

Продолжение следует

Ансамбль «Сукишвили» и его легендарные руководители

БОГ ГРУЗИНСКОГО ТАНЦА

■ Анастасия ХАТИАШВИЛИ

Суфии говорят, что Бог уважает тебя, когда ты работаешь, но любит – когда танцуешь. Илико Сукишвили был, бесспорно, любим Господом. Да и танец, которому он посвятил себя и свою жизнь целиком и полностью, был не иначе как молитвой.

Грузия подарила миру немало блестящих танцовщиков. Такие имена, как Джордж Баланчин (Баланчивадзе), Вахтанг Чабукиани, Нино Ананиашвили, сегодня не сходят с мировых афиш. И уж тем более мир наслышан о Национальном балете Грузии «Сукишвили», самом популярном грузинском хореографическом ансамбле, чьи концерты с фурором проходят в разных странах, вызывая у зрителей восторг и мурашки по коже. А ведь за всем этим стоял скромный, но бесконечно верящий в себя и свое предназначение парень из грузинской провинции – Илья Сукишвили, или просто Илико, как его называли и до сих пор вспоминают на родине.

ИЛИКО

Илико Сукишвили — легендарная фигура в истории культуры Грузии. Блестящий танцор и хореограф, он без преувеличения возродил грузинский народный танец и возвел его на уровень высочайшего профессионального искусства.

Илико родился 4 апреля 1907 года в селе Меджврисхеви, близ Гори. Отец мальчика рано умер. Матери было трудно содержать семью в одиночку, поэтому, когда они переехали в Тбилиси,

Илико в девятилетнем возрасте начал работать. То продавал вареные каштаны, то газеты. Уже тогда у него была одна привычка – он всегда ходил на цыпочках.

Страсть к танцам проявилась рано, а в 10 лет маленький Илико даже стал зарабатывать на жизнь танцами – исполнял грузинские народные танцы в ресторане в Парке Горького. Вскоре юноша, продолжив обучение во Второй трудовой школе, параллельно стал посещать уроки в ба-

летней студии итальянки Перини при Тбилисском театре оперы и балета.

Окончив в 1926 году Грузинскую студию народного танца, через десять лет он становится танцовщиком Театра оперы и балета, а затем солистом и балетмейстером, постановщиком национальных танцев. Помимо Грузии он успешно выступал в Большом театре в Москве («Демон» Рубинштейна, «Руслан и Людмила» Глинки, балет Сергея

Прокофьева «Красная Шапочка») и одновременно работал ассистентом балетмейстера Касьяна Голейзовского, параллельно обучаясь в ГИТИСе.

Согласитесь, стремительный карьерный взлет не удался бы простому, хоть и талантливому грузинскому парню без деловитости, как сейчас сказали бы, креативности, а также способности пробиваться – вопреки всем неудачам и трудностям. А их было с лихвой. Но пока не об этом. Как говорят, за спиной успешного мужчины всегда стоит женщина. И звали ее Нино Рамишвили.

Сегодня трудно сказать, кем бы стал Илико Сухишвили, не встретив Нино, и было бы ли у него такое блестящее будущее, если не она. Но судьба распорядилась именно так. Впервые познакомившись еще в студии Перини, молодые люди сблизились в Театре оперы и балета. Нино была прекрасной классической балериной.

Говорят, любовь между Илико и Нино случилась сразу. Влюбленный Сухишвили не тянул, после одного из совместных выступлений сделал Нино предложение и стал ее мужем. И мужем, надо сказать, образцовым – как в личном, так и в карьерном плане.

В разное время Илико ставил танцы в спектаклях Захария Палиашвили «Абесалом и Этери» и «Даиси» (Тбилисский и Киевский оперные театры), «Кето и Котэ» Виктора Долидзе (Киев), грузинские танцы в Краснознаменном ансамбле песни и пляски Советской Армии (руководитель Александр Александров, Москва), поставил балет Катерино Кавоса «Кавказский пленник» (Киев).

Славу замечательного танцора Илико Сухишвили снискал даже в Великобритании. В 1935 году на Международном Лондонском фестивале танца, где свои национальные номера представляли танцовщики со всего света, Илико удостоили Гран-при. К слову, хозяйкой фестиваля была Елизавета Боуз-Лайон, мать бывшей королевы Англии Елизаветы II. Так что свою награду Сухишвили получил в Виндзорском дворце из рук королевы Англии. Тогда и случился известный и почти анекдотический случай: Илико, как и добрая половина других участников, и понятия не имел, как надо вести себя в присутствии королевы. Поэтому, получая награду из рук Ее Величества, Сухишвили так смешался, что поцеловал королеву руку. А это было строго запрещено по протоколу.

ДАЛЬНОВИДНАЯ СКРОМНОСТЬ И СТАЛИН

При всей своей успешности и статусности Илико Сухишвили

был по натуре мужчиной скромным, хотя и прозорливым. Чего только стоит его известный поступок со Сталиным. Это был очень странный и интересный случай.

В Москве в страшном 1937 году проходила Декада грузинского искусства. В программе значился и народный танец в исполнении Илико Сухишвили и Нино Рамишвили. Но в самый последний момент Нино не выпустили на сцену: дело в том, что ее фамилия вызвала у коммунистического руководства не совсем приятные воспоминания. В годы независимости Грузии, в начале XX века, однофамилец танцовщицы Рамишвили занимал пост министра внутренних дел. Скандальный подтекст повлиял и на то, что муж Нино, который, впрочем, привел своим танцевальным мастерством Иосифа Сталина в восторг, не попал в список награжденных.

При этом Рамишвили в амплу супруги Илико все же стала гостьей устроенного вождем торжественного приема для участников декады в Кремле. Писали, что когда Сталин увидел малочисленный список награжденных, он разозлился, вспылал, и Берия лихорадочно бегал по залу, поспешно внося имена в лист на получение орденов. Тут фортуна и улыбнулась Сухишвили, и его не обошли вниманием.

Но что пережила в тот момент бедная Нино Рамишвили? Ведь

Сталин, обходя столы лауреатов, подошел к ним и, услышав фамилию спутницы Илико, заинтересовался, неужели в Грузии еще не арестовали всех меньшевиков? Нино говорила, что была уверена — ее арестуют прямо в Кремле. Но по какой-то загадочной причине, или по большой любви Сталина к грузинским танцам в исполнении Сухишвили, а может, потому что Илико был его земляком, Сталин ведь родился в Гори, тогда все обошлось.

Любопытно, что после ужина Илико вновь танцевал, и танцевал феноменально, и стал безусловным фаворитом Сталина. Говорили, что при личной встрече Сухишвили попросил у него не квартиру, не дачу, не автомобиль или еще какие-то блага, а единственный подарок — фотографию с автографом вождя. Скажите, умно? И ведь получил желаемое. Вскоре в руках Сухишвили оказался портрет Иосифа Виссарионовича с его подписью на грузинском: «Илико Сухишвили от Иосифа Сталина». Стоит ли говорить, что в тот тяжелый год репрессий этот подарок, который висел в квартире Сухишвили-Рамишвили, как официальное свидетельство дружбы с вождем, не раз спасал им жизнь. Он до сих пор находится в музее ансамбля.

Но и это еще не все. Некоторое время спустя, когда Сталину представили на подпись список лауреатов Сталинской премии, он обнаружил в нем своих любимцев, Сухишвили и Рамишвили, которые, однако, были номинированы на премию второй степени. Удивленный Сталин спросил помощника: «Почему только вторую степень?» Ему ответили, что для первой степени танцовщикам не хватило двух голосов членов госкомиссии. Тогда Сталин, указав на присутствующего в кабинете Ворошилова, сказал: «Надеюсь, моего голоса и голоса Климента будет достаточно?» В итоге танцоры стали лауреатами Сталинской премии первой степени, получив значительную по тем временам сумму — 100 тысяч рублей.

Вообще Илико и Нино были потрясающей парой: она — стильная, бескомпромиссная и свобододолюбивая, он — скромный, дипломатичный и тактичный. Они оттеняли и дополняли друг дру-

га. Прожили вместе более полувека. Говорят, Илико всю жизнь приносил жене кофе в постель. А еще Илико был настоящей поддержкой и опорой для своей Нино. Его внучка, ныне директор ансамбля «Сухишвили» Нино Сухишвили однажды сказала в интервью: «Нино не знала, что где продается, где покупается молоко, хлеб... Какая была денежная единица. Потому что все на себя брал мой дедушка».

РОЖДЕНИЕ МЕЧТЫ

Но особое место в творческой биографии Илико Сухишвили занимает 1945 год, когда они вместе с Нино Рамишвили стали возрождать грузинский танцевальный фольклор и заложили основу Государственного академического ансамбля народного танца, познакомившего мир с древней и богатейшей историей и культурой народа Грузии.

Илико неустанно работал в собственном ансамбле до конца своей жизни, оставаясь солистом (до 1954 года) и художественным руководителем. Примечательно, что «Сухишвили» — первый профессиональный ансамбль в стране, на примере которого создавались все последующие. Через три года после основания ансамбль выехал на первые гастроли в Европу и вскоре получил всемирное признание, которое сопровождает его и по сей день.

Илико был искусным балетмейстером, обладающим безупречным художественным вкусом и истинным даром. Только такой человек мог из отдельно взятых элементов народного фольклора создать полноценные, насыщенные и самобытные танцы «Лекури», «Картули», «Хаджелури», «Кинтоури», «Парца» и многие другие.

Хочется сказать несколько слов о танце «Хоруми»: это удивительное по магнетизму и воздействию зрелищное представление, своего рода хореографическая поэма. Его суть — необыкновенно красивый рисунок, мужской хоровод, воинственный характер, сила и непередаваемая харизма. Этот танец не оставляет равнодушным никого.

Пожалуй, это и было целью Илико Сухишвили: ставить танцы, не только передающие величие и душу нации, но и которые сами по себе — как терапия, танцы, которые не только лечат от боли, горечи и неудач, а возводят тебя на высоту всего самого лучшего и светлого, туда, где Бог, ты и вера в себя.

При этом Илико был не только хореографом, но и импресарио в своем коллективе. Ансамбль «Сухишвили» объездил 88 стран и никогда не испытывал недостатка в аплодисментах и восхищении. В конце 60-х после концерта в театре Ла Скала занавес поднимался 14 раз. Это был оглушительный успех. Академический ансамбль грузинского народного танца тогда побил рекорд самого Энрико Карузо (легендарного тенора вызывали на сцену 11 раз). За зажигательные танцы, ставшие визитной карточкой Грузии, международная пресса окрестила ансамбль «восьмым чудом света».

Кстати, есть одна примечательная история, произошедшая с Сухишвили в 20-е годы прошлого века в Санкт-Петербурге. Известный танцор и хореограф Джордж Баланчин в ту пору звал

Грузинский национальный балет «Сухишвили»

Илико вместе с ним отправиться за границу: сначала в Лондон, а потом в США. Но Илико Сухишвили ясно дал понять: свою мечту – создать свой ансамбль – он намерен осуществить только в Грузии. Спустя много лет, в 1959 году, Сухишвили приехал со своим ансамблем на гастроли в Нью-Йорк. Они увиделись с Баланчиным, тогда уже считавшимся основоположником американского балета. Джордж напомнил ему о своем давнем приглашении и сказал: «Видишь, Илико, я тоже не прогадал. Я основал Нью-Йоркский балет. Получилось, что мы с тобой сделали то, о чем когда-то мечтали».

Перед смертью Илико сказал своему единственному сыну Тенгизу: «Сделай все возможное, чтобы фамилия Сухишвили никогда не сходилась с афиш». Сын, который долго был у руля ансамбля, выполнил наказ отца.

А теперь его выполняет уже третье поколение Сухишвили.

Илико Сухишвили не стало 24 марта 1985 года. Он похоронен в Дидубийском пантеоне общественных деятелей. За большой вклад в развитие грузинской народной хореографии и неустанную пропаганду национальной культуры он был удостоен множества почетных званий и наград. Нино Рамишвили пережила мужа на пятнадцать лет.

ФЕНОМЕН «СУХИШВИЛИ»

Со дня основания ансамбля «Сухишвили» прошло 80 лет, а танцевальный коллектив до сих пор сводит с ума, цепляет, трогает и влюбляет. Сохранивший традиции аутентичного грузинского танца по сей день, сегодня он гордо называется балетом, чему, пожалуй, были бы очень

рады его прародители.

Фамилия Сухишвили-Рамишвили насчитывает уже три поколения. Первое – сами основатели балета, Илико и Нино. Второе – их сын Тенгиз Сухишвили, хореограф, художественный руководитель ансамбля, народный артист Грузии и его супруга Инга, тоже хореограф. Сегодня ансамблем «Сухишвили» руководит третье поколение: внук и внучка основателей ансамбля – Илико и Нино Сухишвили (тезки своих деда и бабушки). Во многом благодаря их усиленному труду и самоотверженности искусство грузинского национального танца остается на пике своей популярности.

Неизменные и отличительные особенности «Сухишвили» – безупречные синхронность и прямые линии, захватывающие трюки, головокружительные прыжки и вращения, искусно отточенные движения и мощная энергетика. Важно, что как старые классические, так и новые, современные танцы и программы балета «Сухишвили» вызывают у зрителя такое же восхищение, как некогда творческие эксперименты непревзойденных Илико Сухишвили и Нино Рамишвили.

Грузинский национальный балет «Сухишвили» танцует под свою оригинальную живую музыку в исполнении собственного оркестра, играющего на редких инструментах. Музыканты оркестра владеют особой техникой, которой нигде больше не учат, но которая передается из поколения в поколение.

Выходит, Илико бесспорно удалось создать великую династию, которая сохранила, умножила и продолжила его наследие.

Немецкий философ Фридрих Ницше писал: «Я бы поверил только в такого Бога, который умел бы танцевать». В Грузии такое в некотором роде уже случилось. Невероятный жизненный путь и судьба Илико Сухишвили – прекрасное тому подтверждение. И пока существует этот проникновенный прекрасный грузинский танец, все в Грузии будет хорошо. Главное, в это верить.

МУЗЕЙ, СОЗДАННЫЙ С ЛЮБОВЬЮ

■ **Алена ДЕНЯГА**

Когда с проспекта Агмашенебели у здания кинотеатра «Аполло» сворачиваешь на улочку Ии Каргаретели (бывшая Новосадовая улица), то обнаруживаешь себя у ворот прекрасного особняка. Как его только не называют: тифлисский «Тадж-Махал», дворец одной ночи, особняк с единорогом (*прим.* на гербе Ольденбургских – единорог)... Сегодня это Дворец искусств Грузии. А чего только не рассказывают в народе об этом прекрасном образце зодчества – и то, что хранители музея слышат шаги и голоса призраков и даже встречают на лестницах тени владельцев этого дома, и прочая, и прочая. Конечно, все это еще больше разжигает интерес.

Историю этого здания можно разделить на три периода. Первый – романтическая история любви Аграфины (Агриппины) Дадияни, урожденной Джапаридзе, и принца Константина-Фридриха-Петера Ольденбургского, пре-

поднесшего своей возлюбленной прекрасный дворец. Влюбившись в замужнюю женщину с первого взгляда, принц добился ее руки и сердца – пара обвенчалась в 1882 году. А 1895 год считается днем окончания строительства (автором проекта зда-

Константин Ольденбургский и Аграфина Дадияни

ния выступил немецкий архитектор Пауль Штерн).

Второй – период запустения: после смерти Константина Ольденбургского в 1905 году в Ницце, Аграфина Константиновна стала реже бывать в Тифлисе. Здание начало приходить в упадок – часть убранства была утеряна, а часть вывезена в Западную Европу. В советское время по указанию властей здание было отдано под интернат для глухонемых.

И третий: в 1989 году во дворец переходит Государственный музей театра, музыки, кино и хореографии, созданный в далеком 1927 году по инициативе грузинского искусствоведа Давида Арсенишвили.

Двадцать лет назад в первом номере журнала «Русский клуб» было напечатано интервью с бывшим директором музея, театроведом Александром Шалуташвили – тогда Дворец в силу обстоятельств находился в плачевном состоянии, требовалась немедленная реставрация здания. Со страниц нашего журнала руководство обращалось к

Аграфина фон Царнекау на костюмированном балу 1903 г.

грузинским меценатам с мольбой о помощи. И просьба была услышана.

После реконструкции музей обрел новое дыхание. Благодаря труду приглашенных экспертов был воссоздан изящный декор внутреннего убранства дворца. Интересный факт: когда велись реставрационные работы, в мансарде дома была обнаружена потайная комната – это оказалась спальня с камином. В нее попадали через чердак.

Сегодня во Дворце искусств кипит жизнь. Регулярно проводятся персональные выставки, организуются международные культурные проекты.

В этих стенах хранятся уникальные материалы, личные архивы выдающихся представителей грузинского искусства, рукописи пьес, нотные тетради, театральные плакаты, афиши, костюмы, ретро-фотографии и грамзаписи. Всего и не перечислишь. Какие только имена художников не пересеклись здесь под одной крышей, подарив нам уникальную возможность наслаждаться этой редчайшей коллекцией!

Радостной новостью этой весны стало сообщение о возвращении трех работ западноевропейских мастеров. Прошло более 100 лет, и стараниями Министерства культуры Грузии итальянское панно из двух частей «Четыре апостола Христа» (XVI в.) работы венецианского мастера и хранившийся в Бельгии натюрморт голландской школы «Ваза с цветами» (XVII в.) вернулись во

дворец Константина Ольденбургского.

Обязательно приходите в это полное тайн и загадок место, например, в Ночь музеев 17 мая этого года, чтобы пройти по залам со старинными хрустальными люстрами и узорным паркетом, мебелью из ценнейших пород дерева, гардинами ручной работы и шелковыми обоями. Полюбоваться каминами, укра-

гербе дома в фасадной части – бессменный страж дворца.

Из книги писателя, журналиста Игоря Оболенского «Судьба красоты»:

«В 1881 году в Кутаиси, где по эскизам знаменитого художника Михая Зичи были представлены «живые картины» из «Витязя в тигровой шкуре», принц Ольденбургский обратил внимание на

Возвращенные в родные стены картины

шенными майоликовой плиткой работы старых западных мастеров. Почувствовать великолепие той эпохи, ощутить европейский стиль. Вдохнуть аромат старой библиотеки с редчайшими изданиями, в т.ч. и рукописными книгами (Константин Петрович Ольденбургский обладал богатым собранием коллекционных книг). Подняться наверх по скрипучим лестницам и оказаться в той самой секретной комнатке. Восхититься полотнами живописцев разных эпох, эскизами декораций и костюмов к легендарным спектаклям...

Если вам, к примеру, понадобится изучить архивные материалы – вам точно сюда. Хранители музея вас направят в нужный отдел и все покажут.

А еще загляните в мемориальный внутренний дворик. Это Сад бессмертных, существующий с 2009 года по инициативе директора Георгия Каландия и музейных сотрудников. Здесь растут деревья-эндемики, привезенные из разных регионов Грузии.

Да, и не забудьте перед уходом попрощаться с единорогом – он по-прежнему «живет» на

исполнительницу роли Нестан-Дареджан. Ею оказалась 26-летняя княгиня Аграфина Дадияни, урожденная Джапаридзе. Принц принялся расспрашивать о женщине, в которую влюбился с первого взгляда. И узнал, что Аграфина вышла замуж за Тариела Дадияни в 14 лет, родила мужу двоих детей, но была крайне несчастлива в браке. К тому же князь был страстным игроком, и его карточные долги сулили его семейству, по меньшей мере, долговую тюрьму.

И тогда Константин Ольденбургский сделал все, чтобы оказаться с князем Тариелом за одним карточным столом. Тем более что сделать это было не так сложно – грузинский князь играл каждый день. Когда проигрыш Дадияни стал слишком велик, он не выдержал и воскликнул: «Даже если я продам весь Тифлис, то все равно не смогу расплатиться по своим долгам!» На что принц спокойно ответил: «Не надо продавать Тифлис, просто отдай мне свою жену. А я тебе за это еще и доплачу. Сколько там стоит ваш Тифлис?..»

ОДИН ВЕЧЕР С МАСТЕРОМ

■ Нодар НИКУРАДЗЕ

В апреле этого года исполняется 100 лет со дня рождения Эрнста Неизвестного.

Легко представить, сколько восторженных слов будет сказано в юбилейные дни в память великого скульптора.

Так сложилось, что и мне есть что сказать.

Судьба сделала мне драгоценный подарок – счастье познакомиться и пообщаться с Мастером. Небольшой, но незабываемый эпизод моей жизни...

Но прежде придется сделать небольшое предисловие.

Моя научная деятельность начиналась весьма успешно – я окончил тбилисский ГПИ, затем аспирантуру в Москве, защитился, отказался от предложения остаться в столице, вернулся в Тбилиси и продолжил заниматься наукой в родном городе. А в начале 1990-х настали тяжелые времена. Многие отрасли производства закрылись, многие профессии оказались невостребованными. Это коснулось и сферы искусства, науки, образования. Вдруг оказалось, что работа над

моей докторской диссертацией уже не имела ближайшей перспективы. Надо было думать, как говорится, о хлебе насущном. Я снова поехал в Москву и неожиданно для себя самого начал

работать – вот уж никогда бы не предположил! – в ресторанном бизнесе. Но мудрая пословица гласит: «Нет худа без добра».

По образованию я инженер, однако всю жизнь был и остаюсь большим ценителем искусства – посещаю театры, выставки, музеи изобразительного искусства, будь то в Тбилиси, Москве или Санкт-Петербурге. Собрал соответствующую тематическую библиотеку. И тут, с новой сферой деятельности, у меня появилась возможность общения с почитаемыми мной художниками, режиссерами, актерами. Не скрою, с некоторыми из них знакомство переросло в дружбу.

В конце января 2003 года мне позвонил один из немногих грузинских успешных бизнесменов-строителей, которого я очень уважал. Прежде всего – за его скромность. Он попросил накрыть отменный стол человек на пять-шесть и добавил, что среди гостей будет известный скульптор, а сам он постарается подъехать попозже. Разумеется, я сразу предположил, что почетным гостем будет Зураб Церетели.

К назначенному времени все было готово – стол ломился от изысканных яств.

Гости не заставили себя ждать, метрдотель сообщил, что они вошли в фойе ресторана, и я вышел их встречать. Я увидел молодую симпатичную женщи-

Эрнст Неизвестный и Нодар Никурадзе

Памятник М. Мамардашвили
в Тбилиси. Фото Ю. Мечитова

ну, мужчину средних лет с признаками обрюзглости и – Эрнста Неизвестного. Среднего роста, плотный, в элегантной черной рубашке и тонком сером кардигане, с боксерским носом, маленькими, аккуратно, строго горизонтально подстриженными усами, он выглядел гораздо моложе своего возраста. Обменявшись традиционными в этом случае любезностями, я провел их к столу и пожелал приятного аппетита.

Многие любители изобразительного искусства узнали о Неизвестном в декабре 1962 года, когда в московском Манеже проходила печально знаменитая выставка работ художников-авангардистов. Там же, в отдельном зале, были выставлены скульптуры Эрнста Неизвестного. Выставку посетил Никита Хрущев в сопровождении членов правительства (в том числе Суслова и Шелепина) и художников-соцреалистов. Руководитель страны, будучи по своей натуре очень эмоциональным человеком и к тому же совершенно неподготовленным к вос-

приятию такого рода искусства, подверг резкой критике творчество художников, используя такие слова, как «мазня», «дерьмо», «пидарасы». Художники стояли у своих работ и не могли произнести ни слова.

А центральной фигурой этого исторического скандала стал Неизвестный. В кругу друзей Эрнст Иосифович слыл тонким психологом и хорошим артистом. Ему удалось выстроить беседу с Хрущевым в своем зале так, чтобы в конце высказать основную мысль: «Назовите мне того, кто вам сказал, что вы разбираетесь в искусстве. Это ваш враг. Вы ставите себя в неловкое положение, потому что ничего в этом не понимаете, вас обманывают и подставляют, вас окружают враги, которые хотят выставить вас на посмеище». Хрущев воскликнул: «Я ассигновал на вас сегодня полдня. Вы интересный человек, такие мне нравятся, но в вас одновременно сидят и ангел, и дьявол. Если победит дьявол, мы вас уничтожим, а если победит ангел, мы вам поможем». И подал на прощанье руку. Представители госбезопасности смотрели на скульптора с нескрываемой злостью.

После этого случая Неизвестный попал под строгий контроль спецслужб. Резко уменьшилось количество государственных заказов. У него возникли финансовые трудности. При этом ему не давали разрешения на выезд за границу.

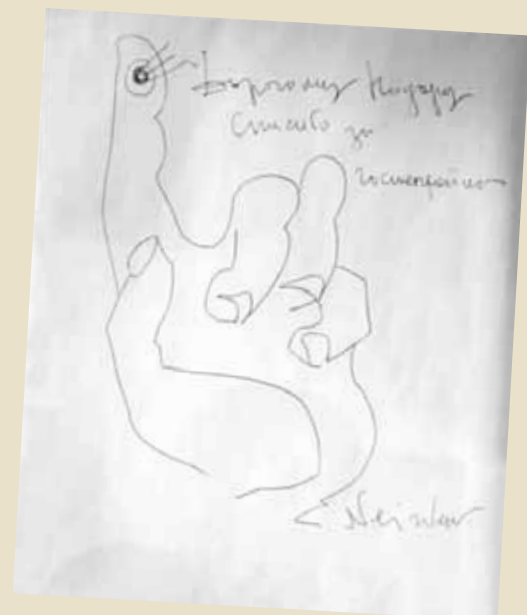
Перед смертью Хрущев завещал, чтобы его надгробный памятник сделал именно Неизвестный. И Эрнст Иосифович в 1974 году ответил на слова Никиты Сергеевича памятником: половина в черном (дьявол) и половина в белом (ангел) мраморе, как символ отрицательных и положительных сторон периода правления Хрущева, называемого «оттепелью».

...Обед шел своим чередом. Метрдотель периодически заходил ко мне, и я был в курсе, что гости ели с удовольствием. Пили водку. Особенно усердствовал обрюзглый мужчина, которого звали Миша. Трапеза подходила к своему логическому концу – десертному столу. От дирекции ресторана гостям послали большую вазу фруктов.

И вот мне сообщили, что го-

сти собираются уходить и хотят попрощаться. Я вышел к ним. Но попрощались мы не сразу. Эрнст Иосифович предложил мне присесть за стол и выпить с ними чашку чая и сказал, что отныне в каждый свой приезд в Москву обязательно будет к нам наведываться. Его спутница подробно расспрашивала, как готовятся блюда, которые им сегодня подавали. Ну а Миша окончательно потерял «форму»: взгляд у него поплыл, и он издавал только нечленораздельные звуки.

Я напомнил Неизвестному, какое было во второй половине 70-х годов паломничество на Новодевичье кладбище, к могиле Хрущева. Всем было интересно посмотреть на необычный памятник. Я и маму свою сводил

однажды. А иностранцы, особенно американцы, туда ходили целыми группами. Отчасти именно этот массовый ажиотаж и послужил причиной того, что вскоре территорию кладбища закрыли, вход стал платным, а родственники проходили только по специальным пропускам. Неизвестному было приятно это слушать.

Затем я сказал, что мне очень нравится его памятник нашему философу Мерабу Мамардашвили, но место, на мой взгляд, выбрано не совсем удачно – хоть и на проспекте Руставели, однако скульптура зажата массивными зданиями бывшего Телеграфа и

бывшего Института марксизма-ленинизма. Эрнст Иосифович с грустью ответил: «Эту скульптуру я сделал по своей инициативе в память о моем близком друге и безвозмездно передал Грузии. Однако Шеварднадзе вначале вообще был против установки памятника. Так что выбирать не было возможности. Позже я попросил Юрия Мечитова, и он сфотографировал и прислал мне в Нью-Йорк снимки воздвигнутого памятника».

Неизвестный очень оживился, когда я отметил скульптурное сходство философа с собой. «Это я дал ему прозвище «Сова», еще когда мы учились на философском факультете университета». А я добавил: «Мы с Мерабом Мамардашвили закончили одну и ту же тбилисскую школу на улице Ниношвили».

И вдруг он стал чуть ли не кричать: «Бумагу! Бумагу дайте мне!» Даже Миша восторженно и несколько пришел в себя.

Принесли лист бумаги. Быстрыми движениями ручки Мастер сделал рисунок кисти левой руки, очень похожей на свою, и подписал: «Дорогому Нодару, спасибо за гостеприимство».

И тут Миша ляпнул: «Сейчас он пойдет и продаст этот рисунок за тысячу долларов». Мы переглянулись с Неизвестным, пожали плечами и улыбнулись, а я еще подумал про себя – где же он нашел такого знакомого...

Поблагодарив Мастера, я сказал, что и у меня для него есть подарок. Пошел в кабинет, взял книгу стихов и фотоаппарат – не мог удержаться от счастливой возможности сделать памятное фото. А метрдотеля предупредил, чтоб алкаша Миши в кадр не было. Но это оказалось очень трудно выполнимым заданием.

Я вручил подарок и сказал, что рад преподнести ему сборник метафизических стихов «Родина» моего близкого друга Александра Зюзикова и Вениамина Сторожака, и выразил надежду, что Неизвестному, человеку с философским образованием, сборник будет интересен. Эрнст Иосифович стал внимательно рассматривать книгу. Удивился: «О, здесь ваше предисловие!» Отметил красоту и солидность издания. На это я с гордостью ответил, что в дизай-

На выставке в московском Манеже. 1962

не, выборе бумаги, гарнитуры, ляссе, форзаца принимал непосредственное участие в Санкт-Петербурге.

Все это время Миша не отходил от нас ни на шаг, активно заглядывал в книгу, старался втиснуться между нами. Я пытался аккуратно, бочком оттеснить его в сторону, но не получалось. Метрдотель, как фотоохотник, выжидал моменты, чтобы поймать хотя бы несколько удачных кадров.

Наконец стали прощаться и много раз благодарили друг друга.

Через пару дней отпечатали фотографии. Ту, на которой Неизвестный был один, вставили в рамку и вывесили в фойе, где у нас собралась уже довольно интересная выставка почетных гостей. Другую, где мы с Мастером были вдвоем, я оставил себе, а третью, на которой помимо нас, хотя и в профиль, но все-таки в кадр попал Миша, послал маме в Тбилиси.

С мамой я созванивался практически каждый день, и вот она сообщила, что получила фотографию. Я спросил, узнала ли она, кто на снимке. Мама даже удивилась: «Ну конечно. Один – Эрнст Неизвестный, а второй – крупный строитель, фамилию забыла. Про него недавно целая передача была по телевизору». Я был уверен, что она обозначилась, и не обратил на ее слова внимания. Каково же было мое удивление, когда однажды я раскрыл газету и увидел фото «нашего» Миши и большое интервью с ним. Оказывается,

он действительно был главой крупной строительной корпорации, которая реконструировала канал имени Москвы, принимала участие в строительстве самого сложного Лефортовского участка Третьего транспортного кольца, строила популярный торговый центр «Атриум» и многое другое. Я вспомнил задевшую меня фразу, которую Миша произнес в ресторане, и лишний раз убедился, что больших успехов в бизнесе могут добиться только те люди, которые способны извлечь из всего материальную выгоду и думают об этом постоянно.

А рисунок Мастера висит у меня дома на видном месте, и пока я жив, он будет со мной.

РАССВЕТ ПРИДЕТ

Григол Абашидзе и Туркменистан

■ Меретгылыч ЯГМУРОВ

Творчество выдающегося грузинского прозаика, поэта, переводчика Григола Абашидзе хорошо знакомо туркменским читателям.

В разные годы его романы «Лашерела» и «Долгая ночь», повествующие о славном прошлом грузинского народа, а также стихотворения и поэмы были переведены на разные языки народов мира, в том числе на туркменский.

В 1980 году исторический роман Григола Абашидзе «Долгая ночь», посвященный событиям войны, которую вел с Грузией Мухаммед Джелаладдин Туркмен, перевел на туркменский язык известный писатель Шадурды Чарыев.

Этот роман, рассказывающий о тяжелых для Грузии временах, духовных исканиях главных героев — талантливого художника Ваче, кузнеца Мамуки, кнголюба Павлия, красавицы Цаго, поэта Турмана Торели, поднимает патриотический дух читателей.

Мастерски описанные романи-

стом события и образы заставляют нас искренне сопереживать героям.

Примечательно, что автор подчеркивает духовную близость Мухаммада Несневи — биографа Мухаммеда Джелаладдина, и грузинского дворцового поэта Турмана Торели, кому доверено было написать историю Грузии. Эти параллели отражают одну из главных идей романа — о непреходящей ценности общечеловеческих духовных идеалов.

Грузины, как и туркмены, глубоко патриотичный народ. И одно из свидетельств тому — роман «Долгая ночь», который мог написать только такой искренне любящий свою Грузию человек, каким и является Григол Абашидзе.

Известный русский писатель Виктор Шкловский так отзывался о своем грузинском коллеге: «Исторические романы Григола Абашидзе написаны на основе ценных материалов, мало известных для других. В этих произведениях писателя проявились его глубокое мировоззрение, тонкое понимание истории Грузии, того, чем дышала Грузия».

Но вернемся к тому, что связывало видного представителя грузинской литературы с Туркменистаном.

В текущем году исполняется ровно 45 лет с выхода в свет романа «Долгая ночь» Григола Абашидзе на туркменском языке. В контексте истории 45

лет — срок небольшой, но за это время произведение Абашидзе завоевало сердца туркменских читателей.

В этой связи интересен и тот факт, что обложка романа была выткана на туркменском ковре.

У туркменского народа есть добрая традиция дарить лучшему другу ковер, который, как известно, высоко ценился и по сей день ценится не только в Туркменистане, но и далеко за пределами страны.

Таким образом, роман «Долгая ночь» и его автор Григол Абашидзе вошли в историю туркменского ковроткачества, что явилось показателем особого уважения к таланту писателя.

Сегодня этот ковер с изображением обложки романа, украшенный выткаными туркменскими мастерицами белыми голубями, находится в доме-музее Григола Абашидзе, в городе Чиатура — как прекрасный образ грузино-туркменской дружбы, тесных культурных связей между нашими народами и странами, как немеркнувший символ надежды.

Вспомним главный посыл романа «Долгая ночь» (в блестящем переводе на русский язык Владимира Солоухина): «Ночь будет долгой, но рассвет придет. — Мы помним, что было светло. Мы помним солнце над Грузией. На наших глазах стемнело. Не знаю, вернет ли Грузия ясное синее небо. Говорят, для народа небо открывается один раз. Если народ прозревает его, не успеет укрепить себя навечно, обеспечить себе могущество и бессмертие, то потом будет поздно. — Грузия бессмертна. Немало рассветов ждет ее впереди».

ВСЯ ЖИЗНЬ – В СПОРТИВНОЙ ЖУРНАЛИСТИКЕ

■ **Тенгиз ПАЧКОРИЯ**

Тамара Балавадзе хорошо известна в журналистских и спортивных кругах Грузии. В последние десятилетия она своими высокопрофессиональными спортивными телепередачами, специальными репортажами, статьями, документальными фильмами, а теперь и книгами, знакомит общественность с достижениями спортсменов Грузии и историей спорта страны. Тамара продолжает свою блестящую творческую деятельность, ярким свидетельством чего стала недавно изданная в Тбилиси ее книга «История одной чемпионки», посвященная титулованным спортсменкам Грузии – чемпионкам и призерам Олимпийских игр, ЧМ и ЧЕ. Презентация книги состоялась в Олимпийском музее Грузии, расположенном в здании Национального Олимпийского комитета Грузии в Тбилиси.

Тамара родилась и выросла в Тбилиси. Ее отец – легендарный грузинский борец Вахтанг Балавадзе (1927-2018), бронзовый призер Олимпийских игр 1956 года, двукратный чемпион мира, вице-чемпион мира, победитель престижных международных турниров, пятикратный чемпион СССР по вольной борьбе, заслуженный мастер спорта СССР, заслуженный тренер Грузии и СССР, арбитр всесоюзной и международной категории, тренер сборной СССР по вольной борьбе.

«Мой отец дружил и общался с известными спортсменами, тренерами, деятелями спорта и культуры, – рассказывает Тамара, – я лично знала многих из них, и меня спорт очень интересовал. Неслучайно, что с детства я мечтала стать спортивной журналисткой. Я читала десятки грузинских и всесоюзных газет и журналов, выписывала все издания, которые можно было выписать, в киосках покупала спортивные издания социалистических стран, которые доходили до Тбилиси».

В 1978 году Тамара окончила филологический факультет Тбилисского государственного университета. В то время для поступления на факультет журналистики необходимо было иметь стаж работы (год или два, в разное время по-разному), поэтому часть выпускников школ, не желая терять время, поступала на исторический или филологический факультет, чтобы потом, после завершения учебы, работать журналистом. Так сделала и Тамара. И более 45 лет назад заняла свою нишу в спортивной журналистике.

«После окончания ТГУ, в 1978 году, я начала работать на Грузинском телевидении, несколько месяцев была внештатным корреспондентом, а потом как штатная сотрудница стала вести спортивные блоки информационной программы «Моамбе», а затем и в программах «Вестник» и «Алиони». На телевидении я проработала до 2003 года», вспоминает Тамара.

В разные годы она была автором и ведущей телепередач «Аспарези», «Стадион», «Овертайм», «Олимпийская панорама», вела авторскую телепередачу «Олимпийский интерьер» на

Давид Кипиани и Тамара Балавадзе. 1981

телеканале «Имеди».

13 мая 1981 года, как все мы помним, тбилисские динамовцы выиграли в Дюссельдорфе финал Кубка обладателей кубков европейских стран у «Карл Цейсс» (ГДР). До финала динамовцы одолели голландский «Фейеноорд», английский «Вест Хэм», ирландский «Уотерфорд» и греческий клуб «Кастория», показав в этих матчах красивый футбол и завоевав симпатии десятков миллионов поклонников футбола в разных странах Европы. 15 мая 1981 года, рано утром, динамовцы вернулись в Тбилиси. «Я была в числе тех журналистов спортивной редакции телевидения Грузии, которые встречали динамовцев в аэропорту, но взять интервью у футболистов было невозможно — они оказались в объятиях сотен болельщиков, которые встречали их», — рассказывает Тамара. По ее словам, с учетом этой неординарной ситуации руководство телевидения через высокие спортивные и государственные инстанции договорилось с тренерским штабом «Динамо» Тбилиси о том, что журналист и оператор приедут 15 мая на спортбазу команды в Дигоми. «Мне выпала честь поехать в тот день на базу динамовцев и взять интервью у Давида Кипиани, Александра Чивадзе, Владимира Гуцаева и Виталия Дараселия, а также у начальника команды Кахи Асатиани. Эти интервью были показаны в спортивном блоке «Моамбе» — тогда вся Грузия ждала эту передачу и интервью с нашими футболистами», — вспоминает Тамара. В тот день она сфотографировалась с нашими выдающимися футболи-

стами и бережет эти фото по сей день.

В период независимости Грузии Тамара Балавадзе как журналистка была аккредитована на шести летних Олимпийских играх и трех зимних Олимпиадах, освещая выступления спортсменов Грузии и ведя оттуда репортажи для теле- и радиостанций Грузии. В 2004 году вместе с Гоги Прангшвили она сняла 13-серийный документальный телефильм «От Афин до Афин», посвященный истории Олимпийских игр с 1896 по 2004 год и выступлениям спортсменов Грузии на Олимпиадах. Тамара также стала автором серии документальных фильмов «История одной победы», вышедшей на Общественном телевидении Грузии, а еще — автором проекта «История одного чемпиона», состоящего из 36 видеофильмов о чемпионах Олимпийских игр из Грузии.

В 2002 году Тамара была награждена орденом Чести, спустя два года — орденом НОКГ. В 2008 году Международный олимпийский комитет вручил ей специальную награду в номинации «Женщина и спорт», а в 2016 и 2024 годах Ассоциация спортивных журналистов Грузии вручила ей две премии — имени Котэ Махарадзе и имени Михаила Какабадзе.

6 марта в Олимпийском музее Грузии состоялась презентация новой, уже упомянутой нами книги Тамары Балавадзе. В мероприятии приняли участие выдающиеся спортсменки Грузии, руководители НОКГ, представители министерства спорта, ряда спортивных федераций, ветераны спорта и молодые атлеты. От-

крывая презентацию, президент Национального олимпийского комитета, пятикратный чемпион мира и четырехкратный чемпион Европы Лери Хабелов сказал: «Тамара Балавадзе как телекомментатор и репортер внесла огромный вклад в популяризацию грузинского спорта и олимпийского движения, она создала более 50 фильмов об истории грузинского спорта. Сейчас она предстала перед нами в новом амплуа — автора очень важной и нужной книги, посвященной титулованным спортсменкам Грузии. Комитет оказал поддержку в издании этой книги».

Героинями книги стали знаменитые спортсменки Мзия Джугели, Нино Думбадзе, Галина Шарабидзе, Надежда Двалишвили, Елена Гокиели, Алиса Аситашвили, Тинатин Леквеишвили, Русудан Сихарулидзе, Нина Дронова, Кетеван Лосаберидзе, Нелли

Саладзе, Ирина Габашвили, Лиана Цотадзе, Саида Гунба, Майя Азарашвили, Русудан Хоперия, Анна Догонадзе, Христина Фаласиниди, Нато Насаридзе, Хатуна Квривишвили, Лейла Месхи, Этер Липартелиани и Нино Салуквадзе.

Следует отметить, что книга Тамары Балавадзе — не коммерческий проект, поэтому ее нет в продаже. Но все желающие могут ознакомиться с книгой в Национальной библиотеке Грузии, куда сама Тамара передала несколько экземпляров. Ожидается, что в будущем она станет доступной для чтения в интернете.

Дом Правительства. Тбилиси. 1970-е

ИСТОРИИ РАЙОННОГО МАСШТАБА

Штрихи к советской действительности 70-80 годов прошлого века

■ **Годердзи РТВЕЛИАШВИЛИ**

Михаил Горбачев не раз вспоминал, как в 1979 году в Пицунде Эдуард Шеварднадзе сказал ему: «Все прогнило, все надо менять». — «Я согласен», — ответил будущему министру иностранных дел СССР будущий первый и последний президент Советского Союза...

Я не претендую на то, чтобы профессионально анализировать причины развала советской империи — страны, которая ликвидировала всеобщую безграмотность, провела процесс форсированной индустриализации, воодушевила десятки миллионов людей на создание нового общества, победила фашистскую Германию, отстояла себя и получила признание на мировом уровне. Но нельзя не признать — развал стал неизбежным, когда червоточина пошла сверху.

Уже к началу 50-х годов прошлого века в СССР (а это — факт остается фактом — была страна, которая отстояла себя, получила признание на мировом уровне, одолела агрессию фашистской Германии) начали возникать отдельные эпизоды (взять хотя бы серию судебных процессов

«Ленинградское дело»), которые показывали, что в этой мощной империи с жесткой централизованной вертикалью власти не все в порядке. Особенно это проявилось в дни прощания с вождем, сама смерть которого по сей день окутана десятками домыслов, версий и загадок. Через пару месяцев борьба политических группировок в верхушке власти привела к руководству человека, руки которого тоже были по локоть в крови жертв репрессий 30-х годов. И группа его доверенных лиц неделю, в Киеве, во дворе ЦК партии, на прежнем месте его работы, сжигала секретные документы, подтверждавшие участие нового первого секретаря в терроре.

Показательный факт — в свое время в Тбилиси, на подъеме Бараташвили, были установлены огромные, светящиеся в темноте буквы დიდება დიდ სტალინს («Слава великому Сталину»). Но шли годы, надпись уже не загоралась — из-за политической неактуальности и переоценки личности бывшего вождя страны. А потом и некие лихие мальчишки снимали с нее лампочки, столь

нужные дома. Новые лампочки новые власти устанавливать не спешили. Вскоре и саму конструкцию разобрали и сдали в металлолом...

Возможно, читателю будет небезынтересно ознакомиться с несколькими историями, как говорят, «районного масштаба», свидетелем и очевидцем которых был автор этих строк. События, которые происходили в 70-80-е годы XX века в одном из районов нашего города, самым наглядным образом иллюстрируют тот прискорбный факт, что в это время вовсю расшатывался изнутри не только один тбилисский район, но и вся советская империя. В общем — судите сами.

После школы я поступил в вуз и успешно его окончил, отслужил в армии, получил опыт общественной работы с молодежью на уровне района, затем — города и ЦК комсомола республики. И меня рекомендовали на работу в райком партии. После собеседования у руководства района необходимо было пройти согласование в отделе горкома партии. Не помню всех деталей беседы, но один из вопросов был таким: какой собственностью владеете вы и ваши родители? А что я мог ответить? Мы жили впятером в однокомнатной квартире — мои родители, я, моя жена, которая ждала второго ребенка, и наша дочь. Представьте себе, ответ полностью удовлетворил заведомо, и через два дня я уже знакомился с моими обязанностями на новой работе.

В идеологическом отделе райкома партии я курировал вопросы народного образования, культуры, медицины, научных организаций. Каким-либо регламентом или инструкциями наша деятельность не определялась. Составлялся план работы отдела, который утверждало бюро райкома, а изменения и дополнения вносились по мере поступления постановлений горкома и ЦК партии.

Время было, что называется, горячее. В феврале 1972 года вышло жесткое «Постановление ЦК КПСС об организаторской и политической работе Тбилисского горкома Компартии Грузии». К руководству республикой пришел Э. Шеварднадзе, происходила смена руководителей на

Площадь Ленина. Тбилиси. 1970-е

всех уровнях власти. В аппарате райкома партии – всего 10-12 ответственных работников, почти все новые, с незапятнанной репутацией.

Помню первый пленум райкома партии. Напряженные дни, выбран новый состав, и вдруг – в нем нет бывшего многолетнего секретаря райкома. Конечно, посыпались вопросы – куда перевели? Говорят, в горком партии. Однако, когда этот самый секретарь явился на работу в горком партии, то с удивлением узнал, что новая должность была обещанием, но не утверждением. Пришлось отстраненному работнику изрядно понервничать, пока его не пристроили в один из непрестижных вузов замом по идеологии, благо кандидатская степень у него была. Вот так прощались со старыми кадрами. Хотя надо отдать должное: налаженная система помогала члену партии в трудоустройстве. Как выразился один член партии – фронтовик, специалист-практик, много лет проработавший в системе птицепрома, «мой партбилет – это моя хлебная карточка». Цинично. Но так и было.

Сфера образования, курируемая моим отделом, состояла из более 30 школ, более 20 детских дошкольных учреждений. Школы были разные: как базовые, в которых проходили практику студенты педвузов, так и небольшие, ведомственные, вечерние – без соответствующей матбазы. По необходимости приходилось составлять документы о материально-технической подготовке

той или иной школы, ее финансировании – в расчете на одного учащегося. Когда разница между обеспечением школ составила несколько десятков раз, встал вопрос о сознательном нарушении равноправия в получении полноценного образования. Для советской страны подобное было недопустимо.

Помню, какое удивление вызывала низкая квалификация педагогического состава, неполноценная подготовка к проведению уроков. Был ослаблен внутришкольный контроль за работой педагогов со стороны администрации. Более того, выявились десятки случаев исправлений отметок в классных журналах по итогам четвертей, выведения завышенных оценок по сомнительным соображениям. В результате за короткое время были освобождены от должностей ряд директоров и завучей школ. Указанные события были тесно связаны с повальными случаями выставления договорных (проходных) оценок в Тбилисском мединституте, где коррупция достигла невероятных масштабов. В результате ректор и многие члены приемных комиссий, в том числе и работники школ нашего района, были обвинены в незаконных действиях и арестованы.

Вспоминаются и искривления в процессе присвоения государственных наград. Помню, по итогам работы за несколько лет к правительственным наградам была представлена группа работников, а вот получил награду совсем другой человек, но состояв-

ший в родственных отношениях с руководством.

Структура государственной власти подразумевала номенклатурность, которая установилась еще с 20-х годов прошлого века. Была четкая установка: все руководители государственных органов, организаций, предприятий назначались и освобождались только по согласованию и предложениям партийных комитетов района, города, республики – в зависимости от величины организации. Этим принципом впоследствии воспользовались местные парткомитеты крупных организаций и сделали своей номенклатурой должности начальников цехов, складов, лабораторий. Доходило до курьезов: на мясокомбинате весовщик должен был быть членом партии, и эта должность (то есть и партбилет) соответствовала определенной сумме. К концу 1980-х годов цена партбилета равнялась стоимости нового автомобиля.

Неудивительно, что в 1990 году, после изъятия из Конституции СССР статьи о руководящей роли партии, горе-коммунисты первым делом прилюдно объявляли о выходе из партии, а некоторые даже сжигали партбилеты. Борис Ельцин объявил о своем выходе из рядов КПСС с трибуны XXVIII съезда, а, например, режиссер Марк Захаров сжег свой партбилет в прямом эфире программы «Взгляд» (о чем, кстати, потом горько сожалел и говорил, что «это был дурацкий, спонтанный поступок, который носил форму необузданной и абсолютно излишней театральности»).

Все в те же 70-80-е годы, когда в СССР начала просачиваться информация об уровне жизни в зарубежных странах, об их благосостоянии, люди начинали высказывать возможности обогащения – за счет занимаемых должностей, права назначать на те или иные должности, распределять дефицитные товары, выдавать ордера на получение жилплощади. Расцвела система кормления, подачек, мздоимства. Особенно ею заразились торговые структуры и органы распределения жилья.

Помню, как-то поздним вечером 1975 года я как ответственный дежурный по району находился в райкоме. И вдруг

Демонтаж памятника Ленину в Тбилиси. 1990

в здание вошли работники УВД города и попросили связать их с секретарем РК партии. Из разговора стало ясно, что на факте задержан завжилотделом района, бывший фронтовик, орденоносец. Это было ЧП районного масштаба того года. Но оно не стало уроком. Переведенный из парторганов на это место сотрудник продержался пару лет и тоже был арестован, а еще через год и сам председатель исполкома района за подобное и другие нарушения был задержан, и к нему была применена исключительная мера наказания.

Повальный дефицит, разделение городов на категории и их неравноценное снабжение, соответствующее категориям, породили традицию отправляться в столичные города за дефицитными товарами, хорошими продуктами, мебелью. Возникло понятие «продовольственные поезда». Многокилометровые очереди за импортом, блат и коррупция в торговой сети стали обычным явлением. Как-то мы с супругой, находясь в отпуске в Москве, неожиданно столкнулись в дверях ГУМа с нашей родственницей из Мцхета. Она без смущения объяснила, что взяла бюллетень и приехала отовариваться, ведь на одну зарплату не проживешь. Ее муж, между тем, был членом партии, передовиком производства, а свекор — членом бюро райкома, кавалером ордена Ленина. Кстати, в новое время этот орден был продан за при-

личные деньги, а само удостоверение перешло на хранение к автору этих строк — как старшему внуку орденоносца...

К сожалению, и мой непосредственный руководитель в райкоме — депутат Верховного Совета республики, кандидат технических наук — тоже не устоял перед искушением. Получив квартиру, он попросил управление города выделить ему спальную и кухонную мебель импортного производства. За то, что он их получил без согласования с месткомом и профсоюзом, да и за другие нарушения, вскоре был отстранен от руководящей должности и переведен на хозяйственную работу.

Надо сказать, что дополнительно расшатывала страну борьба разных группировок власти в центре и на местах, и, как следствие, кратковременность выдвигаемых лозунгов и оценок. За культом личности последовал волонтеризм, за периодом застоя — недолгий промежуток призывов к укреплению дисциплины и правопорядка, который, именно в силу своей кратковременности, потребовал потом всеобщей перестройки. Однако задачи без четкой программы действий и мер по ее осуществлению, по принципу «начнем, а там будет видно», через пару лет привели к триллионным потерям в народном хозяйстве, разрушению военного потенциала страны, потере международного авторитета, неспособности обеспечить про-

довольствием собственное население. Нормой подношения в эти годы (на всех ступенях власти!) становились дефицитные продукты питания и напитки.

А тем временем в национальных республиках повсеместно шла гражданская война, растаскивалось госимущество за приватизационные чеки, люди пытались выживать без света и отопления, без транспорта и хлеба...

В один из таких «темных» вечеров мой родственник — работник госбезопасности республики, таксовавший на собственной машине, возвращался домой. Увидел мужчину, который голосовал, остановился, согласился подвезти. Пассажир оказался грабителем — угрожая ножом, он потребовал от водителя выйти, затем пересел за руль, чтобы угнать машину. Но водитель выхватил свое служебное оружие и застрелил преступника. И ведь это далеко не единственный случай.

Казалось бы — очередная история районного масштаба. Ан нет. Развал страны влиял на судьбы людей самым трагическим образом.

Наши читатели наверняка могут привести десятки других примеров в подтверждение того, какой ужас мы пережили в перестроечные годы.

Слава богу, эти кошмарные события остались в прошлом и, надеюсь, никогда не повторятся в будущем.

НАШ ДВОР

■ Мери ГНОЛИДЗЕ

Когда человек входит в зрелый возраст, он начинает перебирать в памяти особенно запомнившиеся эпизоды из детства и юности. Ведь воспоминания, если они светлые, окрыляют человека, убеждают, что годы прожиты не напрасно, что он оставил хоть какой-то след в этой жизни, что его будут вспоминать добрым словом... А плохие воспоминания ломают человека, угнетают его, и он умирает душой, даже если живет долго...

Вот и я в свои 65 лет решила рассказать о том, как мы жили, как дружили... Мне кажется, что современные дети взрослеют слишком скоро, переживая самое чудесное время жизни — детство, отрочество...

Не подумайте, что это возрастное брюзжание выпавшего из активной жизни человека. Нет! С молодым поколением у меня, как говорится, полный контакт — я 40 лет преподаю английский язык, из них 20 лет в средней школе и 20 лет в университете. Через мою жизнь прошло очень много детей, и могу похвастаться, что они не забывают меня, звонят на праздники из разных городов и стран... Но, мне кажется, мое детство нельзя сравнить с их детством. Да, у них есть интернет, компьютерные игры, но, по-моему, именно виртуальная

жизнь и отнимает у них реальное детство и все то, что украшало жизнь детей моего поколения.

Мы жили в большом дворе из шести корпусов. Представляете, сколько детей было в этих корпусах? Послевоенное поколение. Большинство ребят очень хорошо учились в школе, серьезно занимались спортом, много читали, так что, когда по вечерам мы выходили во двор, нам было о чем поговорить, о чем поспорить. Взрослые девочки учили младших вышивать крестиком и гладью, мальчишки играли в футбол и другие игры, о которых сегодняшние дети не имеют никакого представления.

Двор у нас был очень большой, но совершенно неухоженный. Возле домов росло несколько старых деревьев акации, но в центре двора не было даже кустика, зато камней и кусков бетона, оставшихся после строительства двух новых корпусов, валялось по всей территории огромное множество. Хотя и от них была польза — мы собрали их в круг поближе друг к другу и сидели на них, как на лавочках.

Наша соседка, Мария Яковлевна Носаль, работала на общественных началах в детской комнате милиции. Однажды я столкнулась с ней на лестничной площадке и, ни на что не надеясь, просто спросила ее, может ли нам кто-нибудь помочь при-

вести двор в порядок. Она посоветовала обратиться к тете Жене, руководителю детского отдела в милиции.

Вечером мы все собрались во дворе, и я передала ребятам содержание беседы с Марией Яковлевной.

— Давай сходим к тете Жене. А вдруг она и правда поможет?

Идея всем очень понравилась. Мы тут же решили, что завтра отправимся в милицию, и выбрали делегацию из пяти человек. Это были Валерка Бухрашвили, Азик Оганезов, Гульнара Папаян, Жанна Хаустова и я. Тетя Женья (к сожалению, я не помню ее фамилии) приняла нас приветливо и внимательно выслушала. Мы сказали, что сами соберем в кучу весь строительный мусор, а ее попросили помочь вывезти его со двора.

— Вы молодцы, ребята. Мне нравится ваш энтузиазм, — сказала тетя Женья. — Завтра в 12 часов я буду у вас и изучу ситуацию на месте.

Тетя Женья пришла ровно в 12. Мы уже ждали ее всем двором. Она обошла двор, покачала головой.

— А вы сможете все это собрать?

— Конечно, сможем! — с готовностью ответили мы.

— Ну, тогда начинайте, а через два дня я приеду машину.

Закипела работа, даже взрослые вышли помогать. Через два дня приехала машина и увезла весь мусор. Во дворе стало чисто, но... Нам уже не на чем было сидеть. И мы опять отправились к тете Жене. Через несколько дней в нашем дворе стояли две большие крытые беседки. Окрыленные первыми успехами, мы стали думать, что же еще сделать. Мы сами разровняли площадку и попросили покрыть ее асфальтом. Тетя Женья снова откликнулась на нашу просьбу. Нам не только покрыли асфальтом спортивную площадку, но и проходную часть вокруг двора, а саму площадку огородили сеткой, поставили баскетбольные щиты и волейбольные стойки. Нашей радости не было границ. Мы буквально путались под ногами рабочих, желая хоть чем-то помочь им, но это была работа для взрослых. Вскоре и для нас нашлось дело. Приехала машина с саженцами,

и мы вместе с нашими родителями стали сажать деревья и кусты. Кто-то может сказать, что все это сказки, но и площадка, и деревья есть во дворе и сейчас.

Когда работы закончились, и мы провели торжественное открытие спортивной площадки, тетя Женя сделала нам от имени руководства района еще один подарок. В самый разгар праздника во двор въехала грузовая машина и привезла большой теннисный стол с сеткой и мячами. Долго не утихали восторженные возгласы и визг ребят. Тетю Женю надо было спасать от объятий благодарных жителей нашего двора. Она выступила с речью, в которой выразила свое восхищение активностью, настойчивостью и энтузиазмом ребят, и сказала, что всегда будет готова помочь нам, если что-нибудь еще понадобится. А еще добавила, что в летний период по субботам во двор будет приезжать большая крытая милицейская машина с мини-кинотеатром внутри, и детям будут показывать мультфильмы на тему правил уличного движения, а потом через репродуктор включать музыку, и в течение полутора часов у нас будут танцы. И к нам действительно приезжала машина, и были мультфильмы и танцы.

Мы собрали теннисную, футбольную, волейбольную и баскетбольную команды. Купили белые футболки и в трамвайном парке нам отпечатали на них номера и буквы «КУШ», что означало «Команда улицы Шаумяна». Мы проводили соревнования с другими дворами района и города. Каждое лето в последнюю субботу перед началом учебного года проводили веселые карнавалы с играми и викторинами. За лучший карнавальный костюм, за лучшее выступление, за победу в занимательной викторине и в шуточных соревнованиях вручали небольшие призы. Вы спросите, на какие деньги? Мы просто обходили все квартиры и просили помочь с призами. Кто-то давал деньги, кто-то — симпатичную безделушку, а кто-то — две-три пустые бутылки, которые мы обменивали на мелочь в магазине.

Осенью и зимой жизнь во дворе замирала. Дождь, снег, ветер, холод. Кто выйдет во двор в такую погоду? Вот мы и решили

снова обратиться к нашей «сказочной фее», тете Жене. Дело в том, что в подвале дома №65 было бомбоубежище, им никто не пользовался, и оно всегда было закрыто.

— Тетя Женя, — начала Жанна Хаустова, — бомбоубежище пустует, а нам некуда деваться в плохую погоду. Мы могли бы там играть в шахматы, шашки, организовать кружок «Умелые руки»...

— Это сложное дело, — сказала тетя Женя. — Никому еще в голову не приходило устроить пионерскую комнату в бомбоубежище... Но я попытаюсь обратиться в нужные инстанции. Кто знает, а вдруг получится?

Мы, конечно, задали ей непростую задачу, но наша настойчивость и огромное желание тети Жени помочь нам дали результат — нам разрешили занять бомбоубежище!

Сколько было радости! Пошли в ход тряпки и ведра. Мы драили стены, полы и потолок, с которого свисала паутина. Так отмыли длинные тяжелые столы и лавки, что они засверкали, как новенькие. «Рыжий», так мы звали Валерку Бухрашвили, хорошо рисовал и умел писать красивым шрифтом. Он оформил две стенгазеты: «Организационный уголок», где были график дежурств, расписание работы кружков, объявления и заметки, и «Ежик», куда в виде карикатур попадали те ребята, которые получали плохие оценки в школе или в чем-то себя плохо проявляли.

Тетя Женя пришла без предупреждения. Ее изумлению не было границ.

— Ребята, как вы смогли все это сделать? Я думала, что вы просто хотели отсиживаться здесь в плохую погоду. А вы создали настоящую базу для городского детского лагеря! Я обязательно сообщу о вас в райком. Я уверена, им тоже все очень понравится, и тогда к вам будут приходить ребята из других дворов, и вы будете вместе отдыхать и, самое главное, дружить...

Вскоре нас посетили представители райкома комсомола. Им очень понравились условия, созданные в бомбоубежище, хорошо оснащенная спортивная площадка во дворе, беседки. В результате нам прислали трех

вожатых и объявили, что начал работать летний городской пионерский лагерь во дворе корпусов №63, 65 по улице Шаумяна (ныне Кетеван Цамебули). К нам потянулись ребята из других дворов — не только пионеры, но и ребята постарше. Закипела такая интересная, а теперь я даже думаю, такая сказочная жизнь, которую уже, наверное, никогда нельзя, вернее, невозможно повторить...

Нам выделили автобус, и мы ездили на экскурсии по историческим местам Грузии, ходили в Ботанический сад, облазили все окрестные горы, играли в Коджори в «Зарницу». Сегодня ребята даже не знают, что это за игра.

Вот такая интересная пио-

нерская и комсомольская жизнь была у ребят моего поколения, правда, возможно не у всех. Ведь не у всех был такой заряд энтузиазма, который был у ребят нашего двора...

Повзрослев, когда мы случайно встречались на улице, мы приветствовали друг друга словами: «Салют, КУШ!», тем самым подчеркивая, что, хотя мы и постарели, но не забыли нашу команду с улицы Шаумяна.

Давно уже, наверное, нет нашей доброй тети Жени, но след, который она оставила в нашей жизни, никогда не сотрется пока будут стоять корпуса №63 и №65 и на спортивной площадке будут играть другие мальчики и девочки, которые ничего о ней не знают...

Медее Беридзе

НИТИ ПАМЯТИ: ТРАДИЦИИ АДЖАРСКОЙ ВЫШИВКИ

■ **Юлия ТУЖИЛКИНА**

Мифические птицы, сказочные цветы и старинные техники – все это сплелось в яркой палитре аджарской вышивки. В тбилисской галерее «NOVO» прошла ярмарка-продажа, где традиции обрели современное воплощение.

Аджарская вышивка – важная часть культурного наследия региона, основанная на древних техниках и символике. Орнаменты с растительными узорами, изображениями животных и фигурками людей передаются из поколения в поколение. В 2020 году аджарскую вышивку включили в список нематериального культурного наследия Грузии.

Основательница галереи «NOVO» Русудан Долидзе подчеркивает, что ярмарку специально приурочили к началу весны и женским праздникам: «Для меня эта выставка очень важна, потому что эта традиция Аджарии – очень интересна и ценна, ее надо популяризировать для мотивации женщин-вышивальщиц и сохранения наследия».

На выставке можно было

увидеть настоящие сокровища – вышивки, созданные еще в 1920-х годах. Рядом с ними – изделия возрастом 50, 40 и 30 лет, а также современные работы. Поразительно, но даже столетние вышивки сохранили яркость красок и четкость узоров. Секрет – в хлопковой основе, которая стойко пережила десятилетия.

Русудан Долидзе рассказывает о значении вышитых изделий, которые в аджарских горных селах нередко заменяли и картины, и обои: «Когда аджарскую девушку сватали, она начинала готовить приданое – вышивала скатерти, покрывала, декоративные полотна. С этими работами она входила в семью мужа, украшая ими комнату, где молодые должны были жить после свадьбы. На этой выставке представлено много вышивок из семьи Медее Беридзе. Авторы некоторых полотен неизвестны: их когда-то вышивали бабушки и прабабушки ее родственников. А сохранились они еще и потому, что к такой ручной работе относились всегда с уважением и берегли ее».

Аджарская вышивка – это не просто декоративное искусство, а способ бережной передачи памяти, традиций и эстетики. В Аджарии переплелись мусульманские и христианские традиции, и это отразилось в местной вышивке. В орнаментах можно увидеть и христианские символы, и элементы, характерные для исламского искусства: например, симметричные узоры и

растительные мотивы. Такое сочетание делает аджарскую вышивку особенно выразительной и насыщенной смыслом.

Изначально в вышивке преобладали геометрические формы, а каждая работа несла в себе определенный смысл. Орнамент служил не только украшением, но и играл роль оберега, символизируя семейные послания и амулеты. Наиболее распространенные мотивы – растительные узоры, изображения птиц, животных и антропоморфных (человекообразных) фигур.

Особое значение имело приданое невесты: в нем часто присутствовали сюжеты из поэмы Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре».

Изначально для окрашивания ниток использовали натуральные ингредиенты: сок свеклы,

моркови, луковую шелуху и ореховую скорлупу. В XX веке вошли в обиход нитки мулине, а сегодня мастерицы работают с широким выбором материалов.

Медея Беридзе, посвятившая вышивке более 60 лет, вспоминает свои первые шаги в этом искусстве: «Мне было 15 лет, когда я заинтересовалась вышиванием. Я наблюдала за тем, как это делают мама, бабушки, другие родственницы, и сама начала работать. В 16 лет меня сосватали, и я два года готовила свое приданое. Потом подружки невесты украшали комнату, где мы с мужем должны были жить. Если вышитых работ было много, ими оформляли и другие помещения. Раньше такое приданое называли «Ода невесты». Со временем традиции вышивания стали угасать, теряться. Но в

последние годы это мастерство вновь возрождается. У нас появились ученицы: это и молодежь, и люди постарше, и даже студенты. Мы помогаем всем, кто этого хочет».

Традиции аджарской вышивки со временем менялись, но сохранили свои ключевые особенности, отражающие дух региона. Как и прежде, мастерицы черпают вдохновение из природы и старинных работ. Геометрические и четкие орнаменты стали мягче, приобретая плавность линий, а цвета – ярче и контрастнее. Однако основные техники – тамбурный шов, гладь и счетная вышивка – остаются неизменными, что помогает сохранять аутентичность и передавать классические традиции новым поколениям.

ИМПЕРАТОРСКАЯ ПРЕМИЯ

■ Игорь АЛЬМЕЧИТОВ

Михаил Ломоносов вполне справедливо считается едва ли не самой выдающейся фигурой в российской науке за всю историю ее существования. Будучи полиматом (то есть ученым-энциклопедистом, чьи интеллектуальные знания и достижения лежали подчас в совершенно несвязанных между собой областях человеческой деятельности и, тем не менее, были не просто весьма значимыми каждая в отдельности, но действительно выдающимися), Ломоносов оставил заметный след как ученый-естествоиспытатель, географ, физик, металлург, химик, художник, генеалог, основоположник научного мореплавания, историкограф, географ, основоположник науки о стекле, крупный поэт, астроном, реформатор русского литературного языка и прочее, и прочее, и прочее.

До сих пор как одним из «мифов», связанных со знаменитым поэтом и ученым, так и несомненным историческим фактом считается курьезный случай, который относится либо к концу 1748 года, либо к самому началу 1749-го. Как обычно, оставим на усмотрение и суд вдумчивого читателя: верить данной легенде или отмахнуться от нее, как от очередной исторической небылицы.

Как известно, в результате дворцового переворота в

Российской империи 25 ноября 1741 года (или 6 декабря 1741 года по новому стилю) императорский трон заняла младшая дочь Петра Великого и Екатерины I, Елизавета Петровна.

Правление Елизаветы Петровны (при всех его минусах и недостатках) было ознаменовано важными, более того, знаковыми событиями для государства, такими как возвращение к традициям и идеалам петровской эпохи, развитие наук, учреждение Московского университета, исследование и освоение Сибири, фактическая отмена смертной казни в стране и многими другими положительными тенденциями, которые исключительно позитивно сказались на развитии Российской империи.

Естественно, нововведения и положительные веяния в жизни страны непосредственно сказались и на М.В. Ломоносове, большая (и наиболее продуктивная) часть научной и творческой жизни которого прошла именно во время царствования Елизаветы I.

В конце 1748 года Михаил Ломоносов написал оду в честь очередной годовщины со дня восшествия императрицы Елизаветы Петровны на престол. Полное ее название звучало, ни много ни мало, вот так: «Ода Ея Императорскому Величеству Всепресветлейшей Державней-

Михаил Ломоносов

шей Великой Государыне Императрице Елисавете Петровне, Самодержице Всероссийской, на пресветлый праздник восшествия на всероссийский престол Ея Величества приносится от всеподданнейшей Академии Наук ноября 25 дня 1748 года».

Любой заинтересованный читатель может ознакомиться

с содержанием произведения самостоятельно, если, конечно, у него хватит желания и упорства дочитать хвалебную оду XVIII века с ее высоким по-

этическим стилем до конца.

Мы лишь добавим, что сия ода Ломоносова, славящая императрицу, была уже четвертой – до того Михаил Васильевич успел написать две оды на восшествие и одну – на день рождения Елизаветы Петровны. Между прочим, в оде 1747 года содержатся, наверное, самые известные поэтические строки Ломоносова:

...Что может собственных
Платонов
И быстрых разумом
Ньютонов
Российская земля рождать.
Науки юношей питают,
Отраду старым подают,
В счастливой жизни
украшают,
В несчастной случай
берегут...

И вот, в 1748 году императрица (возможно, по совокупности всех написанных к тому моменту похвальных ломоносовских од) наградила поэта и ученого щедрой премией: двумя тысячами рублей (что было суммой не просто значительной, а огромной – пуд пшеницы, к примеру, в то время оценивали в 64 копейки).

Но вот незадача – в середи-

не XVIII века бумажные деньги были еще не в ходу, а золотые и серебряные монеты были редкостью из-за хронического дефицита государственной казны. И императорский подарок Ломоносову вручили медными монетами. В медном же эквиваленте премия в 2000 рублей весила около трех тысяч тонн, и Михаилу Васильевичу пришлось нанять несколько подвод, чтобы перевезти мешки с царским подарком из казначейства к себе домой на Васильевский остров.

Не только царские гнев или немилость бывают неимоверно тяжелы, но даже и некоторые царские подарки.

Императрица Елизавета Петровна

ЗАНИМАТЕЛЬНАЯ ЭТИМОЛОГИЯ

В жизни всегда есть место подвигу

Шутливое поощрение к выполнению трудного предприятия.

Источник: рассказ М. Горького «Старуха Изергиль».

«Он любил подвиги. А когда человек любит подвиги, он всегда умеет их сделать и найдет, где это можно. В жизни, знаешь ли ты, всегда есть место подвигам. И те, которые не находят их для себя, — те просто лентяи и трусы, или не понимают жизни, потому что, кабы люди понимали жизнь, каждый захотел бы оставить после свою тень в ней. И тогда жизнь не пожирала бы людей бесследно...»

В здоровом теле — здоровый дух

С латинского: *Orandum est, ut sit mens sana in corpore sano* — Надо молить богов, чтоб дух здоровый был в теле здоровом.

Ошибочное толкование: здоровое тело обуславливает здоровый дух.

Верное толкование: необходимо стремиться к гармоничному состоянию человека, к здоровью и тела, и духа.

Источник: 10-я сатира Ювенала.

Фраза стала популярной после того, как ее повторили английский философ Джон Локк и французский писатель-просветитель Жан-Жак Руссо — именно в том смысле, который и вкладывал в нее древнеримский поэт.

В здоровом уме и твердой памяти

Иносказательное выраже-

ние о собственной вменяемости или иронический комментарий к поведению внешне нормального человека, совершающего нелепые поступки.

Источник: «Свод законов гражданских Российской империи», статья 1016, классическая формула начала завещаний в русском дореволюционном праве.

«Все духовные завещания, как крепостные, так и домашние, должны быть составлены в здравом уме и твердой памяти».

В мои лета не должно сметь свое суждение иметь

Иронический комментарий к поведению чрезмерно угодливого человека, который не имеет собственного мнения.

Источник: комедия А.С. Грибоедова «Горе от ума» (действ. 3, явл. 3).

Молчалин

Не смею моего сужденья произнести.

Чацкий

Зачем же так секретно?

Молчалин

В мои лета не должно сметь
Свое суждение иметь.

Чацкий

Помилуйте, мы с вами не
ребята,

Зачем же мнения чужие
только святы?

В Москву, в Москву, в Москву!

Метафорическое выражение о бесплодных мечтаниях и напрасных ожиданиях.

Источник: пьеса А.П. Чехова «Три сестры». Эту фразу, как заклинание, постоянно повторяют сестры Прозоровы, в тщетной надежде выбраться из провинциального городка и вернуться в Москву.

В ожидании Годо

Иносказательное выражение о пассивном ожидании чего-либо вместо реальной деятельности.

С французского: *En attendant Godot*.

Источник: название самой известной пьесы Сэмюэля Беккета, типичной для театра абсурда.

Главные персонажи пьесы, бродяги Владимир и Эстрагон, проводят время в томительном ожидании некоего мсье Годо, встреча с которым, по их убеждению, внесет смысл в их бессмысленное существование. Однако Годо на сцене так и не появляется.

В полном разгаре страда деревенская

Шутливое выражение о кипучей деятельности, интенсивной работе.

Источник: первая строка стихотворения Н.А. Некрасова.

В полном разгаре страда
деревенская...

Доля ты! — русская долюшка
женская!

Вряд ли труднее сыскать.
Не мудрено, что ты вынешь

до времени,
Всевыносящего русского

племена
Многострадальная мать!

თბილისის ა. გრიბოედოვის სახელობის სახელმწიფო რუსული დრამატული თეატრი
Тбилисский государственный русский драматический театр им. А.С. Грибоедова

საზოგადოებრივი
СЕЗОН 179

აპრილი АПРЕЛЬ 2025

პრემიერა ПРЕМЬЕРА

4 აპრილი
4 апреля

კ. გოლდონი
მშვენიერი ქართველი ქალი
კომედია ორ მოქმედებად

დამდგმელი რეჟისორი
აპთანდილ ვარსიმაშვილი

კ. Гольдони
ПРЕКРАСНАЯ ГРУЗИНКА
Комедия в двух действиях

Режиссер-постановщик
АВТАНДИЛ ВАРСИМАШВИЛИ

4 პარ. Пт.	კ. გოლდონი К. Гольдони	მშვენიერი ქართველი ქალი კომედია ორ მოქმედებად (დიდი დარბაზი)	ПРЕКРАСНАЯ ГРУЗИНКА Комедия в двух действиях (Большой зал)	
5 შაბ. Сб.	ა. ოსტროვსკი А. Островский	ჭეჭა-ქუხილი დრამა ორ მოქმედებად (მცირე დარბაზი)	ГРОЗА Драма в двух действиях (Малый зал)	
6 კვ. Вск.	ნ. კალატოზი Н. Калатоzi	მძინარე მზეთუნახავი მუსიკალური წარმოდგენა ერთ მოქმედებად (მცირე დარბაზი)	СПЯЩАЯ КРАСАВИЦА Музыкальное представление в одном действии (Малый зал)	
11 პარ. Пт.	ს. პროჟეკი С. Прожек	ემიგრანტები კომედია ერთ მოქმედებად (მცირე დარბაზი)	ЭМИГРАНТЫ Комедия в одном действии (Малый зал)	
12 შაბ. Сб.	ი. ტურგენევი И. Тургенев	მღვდელი მელოდრამა ერთ მოქმედებად (მცირე დარბაზი)	НАХЛЕБНИК Мелодрама в одном действии (Малый зал)	
13 კვ. Вск.	ნ. კალატოზი Н. Калатоzi	მძინარე მზეთუნახავი მუსიკალური წარმოდგენა ერთ მოქმედებად (მცირე დარბაზი)	СПЯЩАЯ КРАСАВИЦА Музыкальное представление в одном действии (Малый зал)	
25 პარ. Пт.	ი. ვილკვისტი И. Вилквист	ჰელვერის ღამე დრამა ერთ მოქმედებად (დიდი დარბაზი)	НОЧЬ ГЕЛЬВЕРА Драма в одном действии (Большой зал)	

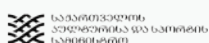
www.griboedovtheatre.ge
www.biletebi.ge

ცნობები ტელეფონებზე:
Справки по телефонам: 2-93-11-06, 2-93-43-36

თეატრის სამხატვრო ხელმძღვანელი აპთანდილ ვარსიმაშვილი
სახელმწიფო პრემიის ლაურეატი, კოტე მარჯანიშვილის სახ. პრემიის ლაურეატი

Художественный руководитель театра АВТАНДИЛ ВАРСИМАШВИЛИ
лауреат Государственной премии Грузии, лауреат премии им. К. Марджанишвили

В БАТУМСКОМ БОТАНИЧЕСКОМ САДУ
Фото: СЕРГО ЭДИШЕРАШВИЛИ

